

5. Авторская песня легализуется за счёт её цензуры самими авторами

Весной и летом года в советской прессе прошла кампания, направленная против Владимира Высоцкого и его песен. Началось с газеты «Правда» от 14 апреля 1968 года, где в своей статье «Прекрасное - в каждый дом» скульптор Е. Вучетич «прошёлся» по «модным песенкам», которые «поёт один актёр», не называя его фамилии, но всем и так было понятно, что имелся в виду Владимир Высоцкий.

Потом «Советская Россия» от 9 июня 1968 года напечатала статью Галины Андреевны Мушта и А. Бондарюка «О чём поёт Высоцкий»:

«В старину, говорят, в Москву за песнями ездили. Да, собственно, почему только в старину? Сколько замечательных песен, родившихся в столице, помогали советским людям строить и жить, бороться и побеждать.

Замечательные песни создают московские композиторы и сейчас. Только совсем не такие песни везут некоторые «барды» из Москвы. И звучат они в городах, находящихся на весьма солидном расстоянии от столицы.

Быстрее вируса гриппа распространяется эпидемия блатных и пошлых песен, переписываемых с магнитных плёнок. Быть может, на фоне огромных достижений литературы и искусства это кажется мелочью, «пикантным пустячком». Но у нас на периферии вредность этого явления в деле воспитания молодёжи видна совершенно отчетливо.

Мы очень внимательно прослушали, например, многочисленные записи таких песен московского артиста В. Высоцкого в авторском исполнении, старались быть беспристрастными.

Скажем прямо: те песни, которые он поёт с эстрады, у нас сомнения не вызывают и не о них мы хотим говорить. Есть у этого актера песни другие, которые он исполняет только для «избранных».

В них под видом искусства преподносится обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поёт от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнаказанностью («Ну, ничего, я им создам уют, живо он квартиру обменяет»).

У Высоцкого есть две песни о друге. Одна написана для кинофильма «Вертикаль», другая с экрана не звучала. Люди из этих песен очень разные: один отправляется в горы, другой едет в Магадан. Что ж, ехать в Магадан, как и в другие края, чтобы строить, бороться с трудностями, - дело похвальное. Но Высоцкий воспекает не это.

Он спешит «намекнуть», что его друг едет в Магадан «не по этапу, - не по этапу, его не будет бить конвой, он добровольно».

Вначале трудно даже понять, кто более дорог Высоцкому: тот друг, который поддержал его, свалившегося со скал, или тот, который едет в Магадан, потому что «с него довольно» (чего довольно?) и что автору ближе – «испробовать свои силы в горах» или «уехать с другом заодно и лечь на дно?»

Но в конечном итоге друг выбран. И совсем не тот, что «шел за тобой, как в бой», а тот, который идет «на дно». Певец клянется ему в своей верности:

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он.

Владимир Высоцкий «посвящается Игорю Кохановскому»

Мой друг уехал в Магадан -
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам -
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, - чудака, -
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться - всего лишиться!
Ведь там - сплошные лагеря,
А в них - убийцы, а в них - убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве -
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан,
И - в Магадан.

Не то чтоб мне - не по годам, -
Я б прыгнул ночью из электрички, -
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, -
Про Магадан.

Мой друг поедет сам собой -
С него довольно, с него довольно, -
Его не будет бить конвой -
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от бога дан...
А может, тоже - в Магадан?
Уехать с другом заодно -
И лечь на дно!.. (1965)

Во имя чего поёт Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос; «ради справедливости и только». Но на поверку оказывается, что эта «справедливость» - клевета на нашу действительность.

У него, например, не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину.

Странно, но факт остаётся фактом: герои Отечественной войны, судя по одной из песен Высоцкого, - это бывшие преступники, которые «не кричали «ура», но явились чуть ли не главной силой и не будь их - нам не удалось бы победить врага.

Высоцкий сложил «Сказку о русском духе», который вылился из винной бутылки, но, несмотря на свои способности, «супротив милиции ничего не смог». Забрала «русского духа» милиция:

Вывели болезного, руки ему за спину,
И с размаху кинули в чёрный воронок.

В программной песне «Я старый сказочник» Высоцкий сообщает:

Но не несу ни зла я и ни ласки...
Я сам себе рассказываю сказки.

Ласки он, безусловно, не несет, но зло сеет. Это, несомненно. Так, например, взяв строчку из поэмы В.Маяковского, он предлагает её в такой обработке:

И думал Буткеев, мне челюсть кроша,
Что жить - хорошо и жизнь - хороша!

Могут подумать: паясничает актёр, просто ублажает низменные вкусы. Однако, оказывается, Высоцкому приятна такая слава, которая «грустной собакой плетется» за ним. И в погоне за этой сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью.

Как иначе расценить то, что поётся от имени «технолога Петухова», смакующего наши недостатки и издевающегося над тем, чем по праву гордится советский народ:

Зато мы делаем ракеты,
Перекрываем Енисей,
А также в области балету
Мы впереди планеты всей

В школах, институтах, в печати, по радио много усилий прилагается для пропаганды культуры речи. Борются за чистоту разговорного языка лингвисты и филологи.

А артист Высоцкий уродует родной язык до неузнаваемости. Чего стоит хотя бы это: «из дому убёг», «чегой-то говорил», «из гаражу я прибежу» и «если косо ты взглянешь, то востру бритву наточу», «чуду-юду победу» и т.д. и т.п.

Все это совсем не так наивно, как может показаться на первый взгляд: ржавчина не вдруг поражает металл, а исподволь, незаметно. И человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чуждые взгляды.

Сначала это просто сочувствие преступникам на том основании, что они тоже люди. Сначала - вроде шутя о милиции, которая «заламывает руки» и «с размаху бросает болезного», а потом возникает недовольство законом, правосудием.

«Различие между ядами вещественными и умственными, - писал Лев Толстой, - в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные ...к несчастью, часто привлекательны».

Привлекательными кажутся многим поначалу и песни Высоцкого. Но вдумайтесь в текст, и вы поймете, какой внутренний смысл таится за их внешностью.

Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса.

Г.Мушта
(преподаватель консультационного пункта Государственного института культуры, Саратов),
А.Бондарюк.
(наш корреспондент).

В газете «Версия», в статье Льва Гурского (*датированной 30.07.2010*) приводится ссылка на одно интервью, в котором Галина Мушта, рассказала корреспонденту ГТРК «Саратов», что от своих взглядов на творчество Владимира Высоцкого не отказывается до сих пор.

И разоблачить его («этого человека - как чемодан с двойным дном») она решила не по приказу начальства, а исключительно по велению сердца, искренне желая защитить молодое поколение от пагубного влияния *этого человека*:

«Мой сын с утра до ночи слушал эти песни. Тогда я разозлилась, села и написала эту статью».

В общем, все получилось само собой. Маленькая обеспокоенность саратовского преподавателя крайне удачно совпала с большим партийным беспокойством, и колесики завертелись...

... 25 июля 2010 года исполнилось 30 лет со дня смерти Владимира Высоцкого, а за четыре недели до этой даты звание Почётного гражданина Саратова было присвоено председателю Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Ленинского района Галине Мушта.

Не будучи знакомым с Галиной Андреевной, я вполне допускаю, что у неё накопилось немало заслуг перед ветеранским движением.

Однако рискну предположить: если ей и суждено остаться в российской истории, то, скорее всего, именно благодаря знаменитому актёру, поэту и барду...».

Статью из «Советской России» перепечатали в ряде провинциальных газет, а некоторые выступили и со своими публикациями, как, например, только в Тюмени, «Тюменский комсомолец» и три раза «Тюменская правда» в период между 14 июня и 3 декабря 1968 года выступили с осуждением песен Владимира Высоцкого, в которых авторы статей «не утруждая себя доказательствами», давали им свою оценку: «песни-сплетни, песни-пасквилы», «грязные и пошлые песенки, воспевающие уголовщину и аполитичность», в которых содержатся «призывы к политической и общественной пассивности», «злопыхательство и издевательство» над всеми нами».

Не шутку обеспокоенный нападками в прессе по поводу антиобщественной разлагающей молодёжь направленности своих песен, Владимир Высоцкий 24 июня 1968 года пишет жалобу на редакцию газеты «Советская Россия» в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС на имя В.И.Степакова:

Уважаемый, Владимир Ильич!

За последнее время в нашей печати появились материалы, которые прямо или косвенно касаются моего творчества. Я имею в виду песни. 9 июня с.г. в газете «Советская Россия» напечатана статья, озаглавленная «О чём поет Высоцкий».

Я не берусь спорить с авторами статьи об оценке моих песен. Это дело их вкуса, а также дело редакции. Тем более я не собираюсь оправдываться, ибо мои песни могут нравиться или не нравиться, как и любое другое произведение. Мне бы хотелось только указать на ряд, мягко говоря, неточностей.

В статье указывается, что в «программной песне «Я - старый сказочник» - Высоцкий говорит: «Я не несу с собой ни зла, ни ласки, я сам себе рассказываю сказки», и далее говорится, что, дескать, как раз зла-то много». Может быть, это и так, но я не знаю этой песни, потому что она мне не принадлежит.

Автор обвиняет меня в том, что я издеваюсь над завоеваниями нашего народа, иначе как расценить песню, поющуюся от имени технолога Петухова: «Зато мы делаем ракеты...» и т.д. Обвинение очень серьезно, но оно опять не по адресу, ибо и эта песня не моя. Обе эти песни я никогда не исполнял ни с эстрады, ни в компаниях.

В-третьих, авторами указывается, что у меня не нашлось слов, чтобы написать о героях войны, и я, будто бы, написал о штрафниках как о единственных защитниках Родины. Это - неправда. И прежде чем писать и печатать статью, авторы и редакция могли бы выяснить, что мною написано много песен о войне, о павших бойцах, о подводниках и лётчиках. Песни эти звучали в фильмах, в спектаклях и исполнялись мною с эстрады.

И, наконец, мои песни, к которым предъявляются претензии, написаны 6-7 лет назад и исполнялись в обществе моих друзей, как шутки.

Последние годы я не пою этих песен. Мне кажется, что такая серьезная редакция, как «Советская Россия», должна была бы сначала проверить факты, а затем уже печатать материалы.

В статье от 31 мая с.г. в той же газете «Советская Россия» под заголовком «Если друг оказался вдруг» напечатана статья о молодежном клубе г. Куйбышева. Название статьи - это строка из моей песни «О друге».

И опять авторы говорят о моём прошлогоднем выступлении в Куйбышеве, организованном клубом. Они пишут, что зрители пришли на 2 моих концерта не затем, чтобы послушать хорошие песни из фильма «Вертикаль» и других, которые я исполнял в концертах, а затем чтобы услышать песни, которые крутят на магнитофоне на пьянках и вечеринках.

На обоих концертах было около 14 тысяч человек, а заявок около сорока тысяч. Так неужели же 40 тысяч человек пришли за этими песнями. Я видел в зале лица всех возрастов, разговаривал и с рабочими, и со студентами, и с пенсионерами - и все они пришли слушать именно те песни, которые я пел. Странное отношение у авторов к труженикам города Куйбышева.

И, наконец, статья в газете «Комсомольская правда» от 16 июня с.г., где не упоминается моя фамилия, но упоминаются мои песни. Могу только сказать, что все песни, приведенные в этой статье, озаглавленной «Что за песней», написаны 7-8 лет назад.

В статье говорится, что даже почитатели мои осудили эти песни. Ну что же, мне остается только радоваться, ибо я этих песен никогда не пел с эстрады и не пою даже друзьям уже несколько лет.

Во всех этих выступлениях сквозит одна мысль, что мои песни, повторяю - речь идёт о старых, тысячекратно переписанных, исковерканных, старых записях, что эти песни вредны, особенно молодёжи. Почему же ни в одной из статей не говорится о песнях последних 3-х лет? Я получаю огромное количество писем и абсолютно ответственно заявляю, что именно эти последние нравятся и полюбились молодёжи.

И, наконец, почему во всех этих выступлениях говорится о магнитофонных записях? Я знаю сам очень много записей, которые приписываются мне и которые мне не принадлежат.

Сам я записей не распространяю, не имею магнитофона, а следить за тем, чтобы они не расходились, у меня нет возможности.

Мне кажется, что эти статьи создают нездоровый ажиотаж вокруг моей фамилии и в них подчас - тенденциозность и необъективность, а также частый вымысел.

Убедительно прошу не оставить без ответа это письмо и дать мне возможность выступить на страницах печати.

В.Высоцкий

Что можно сказать, хотя бы о статье Галины Мушта «о блатных и пошлых песнях» и жалобе Владимира Высоцкого в ЦК КПСС на редакцию «Советская Россия» о том, что она печатает материалы с непроверенными фактами, конечно, только одно – о его возросшей популярности.

Все уже, сколько-нибудь «крамольные» песни, на взгляд бдительных членов партии, стали приписывать исключительно Владимиру Высоцкому, а ему не хочется за них нести

никакой ответственности, потому что он тех песен не только не сочинял, но даже нигде сам не исполнял. Кроме того, он пишет в жалобе, что и все свои песни 6-7, даже 7-8 летней давности он не исполняет уже в течение нескольких лет не только на концертах, но даже своим друзьям, хотя и раньше они исполнялись в обществе его друзей не иначе, как шутки.

Но самым интересным для нас является то, что в 1968 году ещё не записывали, каждого барда на отдельные магнитные кассеты, а записывали песни всех бардов подряд, которые тогда нравились молодёжи.

Отсюда и в статье Галины Мушта такая неразбериха в цитатах – нет, чтобы спросить сына, чьи песни он слушал, она сама приписала песню Юрия Кукина («Сказочник») и песню Юрия Визбора («Рассказ технолога Петухова») Владимиру Высоцкому.

И получилось, что не так страшно, что «друг Высоцкого уехал в Магадан («не по этапу)», как то, «что кто-то не несёт ни зала, ни ласки, а сам себе рассказывает сказки» (какая безыдейность и безнравственность).

И что у нас кроме «балета, и ракет, ещё только перекрыли Енисей» (какая клевета на советскую действительность), как будто в пьяной беседе должны быть отражены все успехи социалистического строительства.

Но вот этого даже Владимир Высоцкий испугался и, оправдываясь, сказал, что «обвинение очень серьёзно, но оно опять не по адресу, ибо и эта песня не моя».

Автора этой песни он не назвал, но, похоже, намекнул, - не того товарищи «взяли» (взялись осуждать), а могли бы поинтересоваться о ком в этой статье речь.

Ниже приводятся полные тексты «программных» песен, которыми возмущалась в своей статье Галина Мушта:

Юрий Кукин «Сказочник»

Я старый сказочник, я знаю много сказок
Про злых волков, про зайцев косоглазых,
Про хитрых лис, про глупых попугаев...
Я старый сказочник, я много сказок знаю.

Про Маленького Принца - гостя с неба,
Про тех, кто был на свете и кто не был,
Про Кролика и девочку Алису,
Про доброго Кота и злую Крысу,

О глупом, жадном Короле-калеке,
О добром, умном, но Сверхчеловеке,
О Счастье, о Любви и о Свободе,
О том, кто ищет и всегда находит.

Но не несу ни зла я и ни ласки,
Никто не будет плакать и смеяться:
Я сам себе рассказываю сказки
И жду, когда они начнут сбываться.

А сбывшимися сказки не бывают,
Несбывшиеся сказки - забываю.
И больно мне, но я не унываю -
Я старый сказочник, я много сказок знаю. (1964 - январь 1965)

Юрий Визбор «Рассказ технолога Петухова»

о своей встрече с делегатом форума
стран Азии, Африки и Латинской Америки,
которая состоялась 27 июля
в кафе-мороженом «Звездочка»

в 17 часов 30 минут
при искусственном освещении:

Сижу я как-то, братцы, с африканцем,
А он, представьте, мне и говорит:
В России, дескать, холодно купаться,
Поэтому здесь неприглядный вид.
Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета,
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

Потом мы с ним ударили по триста,
А он, представьте, мне и говорит:
В российских сёлах не танцуют твиста,
Поэтому здесь неприглядный вид.
Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета,
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

Потом залили это все шампанским.
Он говорит: вообще ты кто таков?
Я, говорит, наследник африканский.
Я, говорю, технолог Петухов.
Вот я, говорю, и делаю ракеты,
Перекрываю Енисей,
А так же в области балета,
Я впереди, говорю, планеты всей,
Я впереди планеты всей!

Проникся, говорит он, лучшим чувством,
Открой, говорит, весь главный ваш секрет!
Пожалуйста, говорю, советское искусство
В наш век, говорю, сильнее всех ракет.
Но всё ж, говорю, мы делаем ракеты,
И перекрыли Енисей,
А так же в области балета,
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей! (1964)

Что такого крамольного увидела в этих песнях «бдительная гражданка, может быть только призывов «Вперёд, к победе коммунизма!» не нашла, да в песне Высоцкого о штрафниках того, что они шли в атаку со словами «За Родину, за Сталина!».

Автор этой статьи сомневается в том, чтобы она смогла когда-нибудь дать вразумительный ответ, если даже накануне 30-летия смерти Владимира Высоцкого, сказала, что не отказывается от сказанных тогда неллицеприятных слов в его адрес.

Во второй половине 1960-х в мире сложилась, можно сказать, стабильная система военно-политического сотрудничества, основанная на противостоянии Восточного и Западного блоков, возглавляемых СССР и США. СССР догнал США по мощи ядерных сил, что привело к стратегическому паритету (военному равновесию), которое гарантировало в случае военного конфликта их полное взаимное уничтожение.

Поэтому 17 ноября 1969 года в Хельсинки были начаты переговоры между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений. Что послужило

дальнейшему процессу разрядки отношений СССР с Западом, которым положил начало ещё Н.С.Хрущёв.

В то же время в СССР активизировали свою деятельность правозащитники, перейдя от распространенной формы совместных выступлений правозащитников в виде коллективных писем к созданию в 1969 году первой правозащитной организации. 20 мая 1969 года 15 активных «подписантов» отправили письмо с жалобой на нарушения гражданских прав в Советском Союзе.

Это письмо отличалось от прежних адресатом - в Организацию Объединенных Наций. Они просили ООН «защитить попираемые в Советском Союзе человеческие права». Подписавшие это письмо назвали себя «Инициативной группой защиты прав человека в СССР».

Инициативная группа писала о «...нарушении одного из самых основных прав человека - права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными способами»:

Письмо «В Комитет прав человека Объединенных Наций» о политических преследованиях в СССР. 20.05.1969.

1. Мы, подписавшие это письмо, глубоко возмущенные непрекращающимися политическими преследованиями в Советском Союзе, усматривая в этом возвращение к сталинским временам, когда вся наша страна находилась в тисках террора, обращаемся в Комитет прав человека ООН с просьбой защитить попираемые в нашей стране человеческие права.

2. Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направляемые в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истощилась.

3. Поэтому мы обращаемся в ООН, полагая, что защита человеческих прав является святой обязанностью этой организации.

4. В этом документе мы будем говорить о нарушении одного из самых основных прав человека – права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными средствами.

5. На политических процессах в Советском Союзе часто можно услышать фразу: «Вас судят не за убеждения».

6. Это глубоко неверно! Нас судят именно за убеждения. Когда нам говорят, что нас судят не за убеждения, то на самом деле хотят сказать следующее: можете иметь какие угодно убеждения, но, если они противоречат официальной политической доктрине, не смейте их распространять. И действительно, аресты и суды, о которых мы будем говорить, происходят всякий раз, когда люди, имеющие оппозиционные взгляды, начинают их распространять.

7. Но распространение убеждений является естественным продолжением самих убеждений. Поэтому в статье 19 Всеобщей декларации прав человека¹ сказано: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

8. Таким образом, хотя формальным моментом для преследований является распространение убеждений, на самом деле людей судят за сами убеждения.

9. Судят их по обвинению в клевете на советский государственный и общественный строй, с умыслом (ст. 70 УК РСФСР^{III}) или без умысла (ст. 190-1 УК РСФСР^{IV}) подрыва советского строя. Никто из людей, осужденных на известных нам политических процессах, не задавался целью оклеветать советский строй или, тем более, действовать в целях его подрыва. Таким образом, на всех этих процессах людей осудили по вымышленным обвинениям.

10. Мы сошлёмся на несколько примеров, которые стали предметом широкой гласности, как в Советском Союзе, так и за его пределами.

11. Процесс Синявского и Даниэля, которых осудили за опубликование за границей художественных произведений, критикующих советскую действительность.

12. Процесс Гинзбурга и Галанскова, осужденных за опубликование литературного журнала «Феникс-669» и Белой книги о процессе Синявского и Даниэля.

13. Процесс Хаустова и Буковского, организовавших демонстрацию протеста против ареста Гинзбурга и Галанскова.

14. Процесс Литвинова, Ларисы Даниэль и других за демонстрацию протеста против ввода советских войск в Чехословакию: важным моментом этих двух последних процессов является то обстоятельство, что их участникам вменяли в вину содержание лозунгов.

15. Суд над Марченко, формально осужденным за нарушение паспортного режима, что, кстати, не было доказано на суде; фактически же осужденным за книгу «Мои показания» о положении заключенных в послесталинские годы.

16. Суд над И.Белогородской за попытку распространения письма в защиту Марченко.

17. Процесс Гендлера, Квачевского¹⁶ и других в Ленинграде, которых осудили за распространение книг зарубежных изданий.

18. Процессы над людьми, выступающими за национальное равноправие и за сохранение национальной культуры:

19. На Украине – процесс в Киеве в 1966 году, на котором было осуждено более 10-ти человек; процесс Черновола во Львове, осужденного за книгу о политических процессах; и многие другие процессы.

20. Процесс[ы] над крымскими татарами, борющимися за возвращение на родину, в Крым¹⁹; за последние годы прошло около 20-ти политических процессов, на которых осуждено более 100 человек; на днях в Ташкенте состоится новый и самый большой политический процесс, на котором предстанут 10 представителей крымских татар.

21. Процессы в Прибалтийских республиках, в частности, процесс Калниньша и др. XIII

22. Процессы над советскими евреями, требующими права на выезд в Израиль; на последнем процессе в Киеве инженер Б.Кочубиевский был осужден на 3 года.

23. Процессы над верующими, требующими права на свободу вероисповедания.

24. Все эти политические процессы в силу их незаконности происходили с грубейшими нарушениями процессуальных норм, прежде всего гласности, а также беспристрастности судебного разбирательства.

25. Мы хотим также обратить ваше внимание на особенно бесчеловечную форму преследований: помещение в психиатрические больницы нормальных людей за политические убеждения.

26. В последнее время произведен ряд новых арестов. В конце апреля этого года арестован художник В.Кузнецов из г. Пушкино Московской области, которого обвиняют в распространении Самиздата, то есть литературы, не публикуемой советскими издательствами.

27. В эти же дни в г. Риге арестован И.Яхимович, бывший председатель колхоза в Латвии, обвиняемый в написании писем, протестующих против политических преследований в Советском Союзе.

28. В начале мая арестован бывший генерал-майор П.Г.Григоренко, один из наиболее известных участников движения за гражданские права в Советском Союзе, выехавший в Ташкент по просьбе около 2000 крымских татар в качестве общественного защитника на предстоящий процесс над 10-тью крымскими татарами.

29. И, наконец, 19 мая этого года в Москве арестован Илья Габай, преподаватель русской литературы, через несколько дней после того, как у него при обыске были изъяты документы, содержащие протесты советских граждан против политических репрессий в Советском Союзе. (Весной 1967 г. И.Габай²⁸ отсидел 4 месяца под следствием за участие в демонстрации Хаустова и Буковского).

30. Эти последние аресты заставляют нас думать, что советские карательные органы решили окончательно пресечь деятельность людей, протестующих против произвола в нашей стране.

31. Мы считаем, что свобода иметь и распространять независимые убеждения окончательно поставлена под угрозу.

32. Мы надеемся, что все, сказанное в нашем письме, дает основание Комитету защиты прав человека²⁹ поставить на рассмотрение вопрос о нарушении основных гражданских прав в Советском Союзе.

20 мая 1969 г.

Инициативная группа по защите гражданских прав в СССР:

Г. Алтунян, инженер (Харьков), В. Борисов, рабочий (Ленинград), Т.Великанова, математик, Н.Горбаневская, поэтесса, М.Джемипев, рабочий (Ташкент), С.Ковалев, биолог, В.Красин, экономист, А.Лавут, математик, А.Левитин-Краснов, церковный писатель, Ю.Мальцев, переводчик, Л.Плющ, математик (Киев), Г.Подъяпольский, научный сотрудник, Т.Ходорович, лингвист, П.Якир, историк, А. Якобсон, переводчик.

Обращение поддерживают:

З.Асанова, врач (Бекабад Уз. ССР), Т. Баева, служащая, С.Бернштейн, литератор, Л.Васильев, юрист, Ю.Вишневская, поэтесса, А.Вольпин, математик, О.Воробьев, рабочий (Пермь), Илья Габай [и/или Галина Габай], педагог, Е.Гайдуков, математик, В.Гершуни, каменщик, З.М.Григоренко, пенсионерка, А. Григоренко, ст. техник, Р. Джемилев, рабочий (Краснодарский край), Н.Емелькина,

служащая, Л. Жугиков, рабочий, А.Калиновский, инженер (Харьков) А.Каплан, физик, С.Карасик, инженер (Харьков), Л.Кац, служащая, Ю.Ким, учитель, Ю.Киселев, художник, В.Кожаринов, рабочий, Л.Корнилов, инженер, В.Лапин, литератор, А.Левин, инженер (Харьков), Т.Левина, инженер (Харьков); Д.Лифшиц, инженер (Харьков), С.Мюге, биолог, В. Недобора, инженер (Харьков), Л.Петровский, историк, С.Подольский, инженер (Харьков), В.Пономарев, инженер (Харьков), В.Рокитянский, переводчик, И.Рудаков, Л.Терновский, врач, Ю.Штейн, кинорежиссёр, В.Черновол, журналист (Львов), И.Якир, служащая, С.Винтовский, студент.

(Архив «Мемориала», ф. 175, оп. 1, д. 5; оп. 9, д. 1; оп. 20; архив Института изучения Восточной Европы при Бременском ун-те ф. 131АС № 126, Собрание документов Самиздата, 1972, Т.2 – взято с сайта <http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html>)

В ноябре 1970 года в Москве правозащитниками был создан Комитет по правам человека в СССР. В учредительном заявлении указывались цели комитета: консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение её специфики в социалистическом обществе; правовое просвещение, в частности пропаганда международных и советских документов по правам человека. Комитет по правам человека был первой независимой общественной организацией в Советском Союзе, получившей международное членство:

Московский Комитет прав человека был основан 4 ноября 1970 года. В этот день Валерий Чалидзе, Андрей Сахаров и Андрей Твердохлебов, все трое физики по профессии, подписали два документа (составленные Чалидзе):

«Принципы» и «Регламент» (Сахаров в своих воспоминаниях объединяет оба документа понятием «Устав»).

Задачи Комитета они видели в конструктивном изучении теоретических и практических проблем в сфере прав человека, в распространении знаний о законах и уважения к законам - как советским, так и международным, в проведении частных консультаций по правовым вопросам.

В Комитет не принимались «члены политических партий» и «лица, намеревающиеся использовать членство в Комитете для политических целей».

Чалидзе настаивал на скрупулезном соблюдении Регламента. Он полагал, что таким образом обществу будет преподан наглядный пример уважения к юридической процедуре, которая является существенным элементом законности и необходимой защитой от злоупотреблений власти.

В 1968-1971 годы наиболее распространенной формой правозащитных выступлений в Москве были письма в советские инстанции, одновременно распространяемые в самиздате. Письменные протесты против конкретных проявлений беззакония стали постоянным явлением общественной жизни столицы.

Вне Москвы эта жизнь протекала скрытно. Благодаря самиздату и передачам зарубежных радиостанций идеи движения за права человека распространялись по стране, способствовали росту гражданского сознания.

Но уже в 70-е годы все инакомыслящие в СССР, единые в осуществлении пороков советской системы, стали расходиться в объявлении её природы и, особенно, - в способах «исцеления» страны.

Первым сторонником «западной ориентации» стал академик А.Д.Сахаров. Ещё в июне 1968 года появились его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Как бы там о нём не говорили, но его деятельность к тому времени уже послужила на благо всего человечества своими конкретными результатами:

А.Д.Сахаров - выдающийся физик, участвовавший в создании советской водородной бомбы, академик, лауреат государственных премий. Он принадлежал к самой верхушке советской научной элиты.

Гуманитарная деятельность Сахарова началась с борьбы против испытаний ядерного оружия, отравляющих окружающую среду и опасных для здоровья людей.

Обращения Сахарова к руководителям советского государства и высшим военным членам, привело к тому, что в 1962 году между СССР и США было заключено соглашение о переносе всех

испытаний ядерного оружия под землю, при которых не возникало для всех живых организмов и природы в целом опасной радиации.

Первые публичные выступления Сахарова относятся к 1966 году, когда он подписал коллективный протест против возрождения сталинизма и присоединился к массовой демонстрации солидарности с жертвами беззаконий.

Александр Сахаров всегда выходил из обычного круга тем, обсуждаемых большей частью «правозащитников», а мыслил, не заиклившись, только на проблемах своей страны, а в масштабах всего мира.

Его мысли «были пронизаны убеждением, что в нынешний век ни одна страна не может решить своих проблем в отрыве от общечеловеческих ценностей, и потому могут быть решены лишь общими усилиями всех стран. И главным, обязательным условием благополучного развития человечества, является интеллектуальная свобода - тоже необходимая в масштабах всего мира. При этом желаемым направлением мирового развития Александр Сахаров считал не «победу коммунизма во всем мире», а был сторонником конвергенции, т.е. мирного сближения социализма и капитализма, слияния их в единое открытое плюралистическое общество со смешанной экономикой.

Если сказать более понятным каждому языком - это взять всё лучшее у капитализма и соединить со всем лучшим у социализма, что казалось таким очевидным делом в 1960-х годах, но оказались нереальным уже в новой России, имевшей в 1990-х годах все шансы этого достигнуть.

Как ни парадоксально, но два самых известных правозащитника, лауреаты Нобелевской премии писатель Александр Солженицын и учёный Андрей Сахаров так и не смогли скоординировать свои действия, хотя одно время всемерно поддерживали друг друга и считали, по крайней мере, Солженицын, что движутся в одном направлении. С этим можно вполне согласиться, потому что оба опирались не на всенародную поддержку, а на помощь со стороны западной «демократии».

В книге Роя Медведева «Солженицын и Сахаров» об этом сказано достаточно подробно, и автор этой статьи считает уместным остановиться на некоторых выдержках из этой книги:

«...Долгое время, как Сахаров, так и Солженицын могли встречаться с иностранцами только случайно, они отклоняли все предложения об интервью, с которыми к ним обращались западные корреспонденты, и для этого у них было много причин. Однако с весны 1972 года оба стали искать контактов с работавшими в Москве иностранными корреспондентами: Солженицыну нужно было более активно защищаться, а Сахаров хотел расширить возможности своей правозащитной деятельности, что было трудно сделать без поддержки западных СМИ. Это было время разрядки, и советские власти были вынуждены как-то реагировать на западное общественное мнение. Редкие встречи Солженицына и Сахарова с западными журналистами вскоре умножились, расширились и в 1973 году стали почти регулярными...

...Взаимная поддержка Солженицына и Сахарова не означала их полного согласия, они были слишком разными людьми и по своим личным качествам, и по убеждениям и мировоззрению. Детство и молодость Солженицына прошли без отца в бедности и лишениях. Он прошел через войну, через многие годы тюрьмы, лагеря, ссылки, преодолел смертельную болезнь. Теперь он — предельно организованный и очень практичный человек - наверстывал упущенное и не хотел тратить время на лишние встречи и разговоры, о любой встрече с ним нужно было договариваться заранее. Солженицын очень интенсивно работал утром и днем и предпочитал полное одиночество, даже завтрак и обед готовил себе сам.

Из Рязани он уезжал в одну из соседних деревень, потом жил в одиночестве в доме Корнея Чуковского в Переделкино, на своем садовом участке близ Наро-Фоминска, в домике садовника у Ростроповича.

Он всё в большей степени чувствовал себя человеком, которого избрал Господь, и это не могло не отражаться на его отношениях с другими людьми. Солженицын практически не терпел возражений и постепенно утрачивал способность к полемике и диалогу.

...Детство и юность Андрея Сахарова прошли в условиях достатка и заботы, а впоследствии, при работе над атомными проектами, он жил на всем готовом. У него были комфортабельные квартиры в Москве и на «объекте», большой загородный дом. Однако большую часть времени

Сахаров должен был работать в полной изоляции от внешнего мира и как засекреченный ученый находился под постоянной охраной. Он был в высшей степени непрактичным человеком, и в его московской квартире царил постоянный беспорядок. После смерти первой жены Сахаров вынужден был заботиться и о судьбе трёх собственных детей и двух детей Е.Боннэр, что создавало множество проблем.

Он (Сахаров) никогда не чувствовал себя человеком избранным, был предельно скромным. Как истинный ученый он часто испытывал сомнения, умел прислушиваться к чужому мнению, в нем не было никакой авторитарности.

Сахарову нравилось видеть вокруг себя множество людей, он не чувствовал неудобств в маленькой квартире своей второй жены и был доступен для встреч и бесед почти со всеми, кто об этом просил. В начале 1970-х годов заседания Комитета прав человека, который Сахаров основал вместе с Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым, затягивались далеко за полночь, и каждый мог здесь говорить столько, сколько хотел...

...Сахаров, по мнению Солженицына, идеализировал Запад и совершенно не понимал национальных проблем России.

«Развиваясь душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров dokonечно выполняет свой долг перед демократическим движением, перед «правами человека», перед еврейской эмиграцией, перед Западом - но не перед смертельно больной Россией.

Многих истинных проблем России он не поднимает, не защищает так самозабвенно и горячо. Он показывает на высоком взносе возможности русской совести - но будущее наше он рисует безнационально, в атрофии сыновнего чувства.

От нашего тела рожден замечательный, светлый человек, но весь порыв своей жертвы и подвига он ставит на службу - не собственно родине.

Как и для всех февралистов: Сахарову достаточно свободы - а Россия там где-то поблекла».

«Казалось бы, - заключает свои рассуждения о Сахарове Солженицын, - сколько объединяет нас с Сахаровым: ровесники, в одной стране; одновременно и бескомпромиссно встали против господствующей системы, вели одновременные бои и одновременно поносились улюлюкающей прессой; и оба звали не к революции, а к реформам. А разделила нас - Россия»

В начале 70-х гг. определилось ещё одно направление общественной мысли - «неславянофильское», или «почвенническое». В сентябре 1973 года А.Солженицын написал своё «Письмо вождям Советского Союза».

Оно сразу же стало программным для складывавшегося в то время русского национально-религиозного направления.

В дискуссии между правозащитниками, вызванной «Письмом вождям», произошло размежевание между последователями этого направления и сторонниками перехода советского общества в демократическое правовое русло. Большинство активных правозащитников предпочло для советского общества путь демократических преобразований. Из книги Роя Медведева «Солженицын и Сахаров»:

«...Солженицын сравнил свои и А.Сахарова публичные выступления, которые широко освещались в западных СМИ и были направлены против советских лидеров и режима, с «встречным боем двумя колоннами», но при этом посетовал, что «с соседней союзной колонной не налажено было у нас путей совета и совместных действий»...

...Особое неудовольствие вызывало у Солженицына, при разговоре с Сахаровым присутствие Е.Боннэр, из-за которой не было у него с ним ни одной беседы наедине, и ему приходилось опасаться, что характер обсуждаемых ими вопросов станет распространяться, без его согласия, повсюду активистами «демократического движения»...

...Его выражение о «встречном бое двумя колоннами», как потом выяснилось, вовсе не было преувеличением. На заседаниях Политбюро ЦК КПСС в 1970-1973 вопрос о Сахарове и Солженицыне обсуждался на Политбюро почти ежемесячно.

О Солженицыне все выступавшие говорили с негодованием как о «враге народа», требуя привлечь его к самой суровой ответственности - посадить в тюрьму, или, в крайнем случае, выслать за границу...

...Об А.Д.Сахарове в то же время говорили по-другому, и считали, что за него ещё можно побороться, так как он не такой человек, как Солженицын - трижды Герой Социалистического Труда, один из создателей водородной бомбы»...

...Единственно, только из-за того, что это были годы «разрядки» международной обстановки, окончательные решения по Солженицыну и Сахарову постоянно откладывались.

Но в августе 1973 года, учитывая, что в поведении Солженицына и Сахарова не произошло никаких «улучшений», а Солженицын вообще «развернул активную политическую деятельность», Политбюро дало указание возбудить против Солженицына уголовное дело, а против Сахарова начать кампанию в прессе с осуждением его поведения...».

Из писем в советские газеты в конце августа 1973 года:

Из письма членов Академии наук СССР в газету «Правда» от 29 августа. 1973 года:

«...А.Д. Сахаров, по существу, солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами.

Тем самым А.Д.Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран.

Деятельность А.Д.Сахарова в корне чужда советским учёным. Он выглядит особенно неприглядно на фоне концентрации усилий всего нашего народа на решение грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укрепление мира и оздоровление международной обстановки...».

Академики: Н.Г.Басов, Н.В.Белов, Н.Н.Боголюбов, А.Е.Браунштейн, А.П.Виноградов, С.В.Вонцовский, Б.М.Вул, Н.П.Дубинин, Н.М.Жаворонков, Б.М.Кедров, М.В.Келдыш, В.А.Котельников, Г.В.Курдюмов, А.А.Логунов, М.А.Марков, А.Н.Несмеянов, А.М.Обухов, Ю.А.Овчинников, А.И.Опарин, Б.Е.Патон, Б.Н.Петров, П.Н.Поспелов, А.М.Прохоров, О.А.Реутов, А.М.Румянцев, Л.И.Седов, Н.Н. Семёнов, Д.В.Скобельцын, С.Л.Соболев, В.И.Спицын, В.Д.Тимаков, А.Н.Тихонов, В.М.Тучкевич, П.Н.Федосеев, И.М.Франк, А.Н.Фрункин, Ю.Б.Харитон, М.Б.Храпченко, П.А.Черенков, В.А.Энгельгардт

Письма группы писателей в редакцию газеты «Правда» от 31 августа 1973 года:

Уважаемый товарищ редактор!

Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии Наук относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского учёного, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма.

Советские писатели всегда вместе со своим народом и коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба - веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны.

В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и, по существу, призывающих Запад продолжать политику «холодной войны», не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения.

Писатели: Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Быков, Р. Гамзатов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Залыгин, В. Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С. Наровчатов, В. Озеров, Б. Полевой, А. Салынский, А. Сартаков, К. Симонов, С. Смирнов, А. Софронов, А. Сурков, М. Стельмах, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Федин, Н. Федоренко, А. Чаковский, М. Шолохов, С. Щипачёв

11 сентября 1973 года в Чили в результате военного переворота начались преследования чилийских инакомыслящих, в число которых попал и Пабло Неруда.

Сахаров, Максимов и Галич 18 сентября 1973 года обратились к Аугусто Пиночету с письмом в защиту известного поэта и общественного деятеля. В обращении сказано:

«...Славное имя его (*Пабло Неруды*) неразрывно связано с борьбой народов Латинской Америки за своё духовное и национальное освобождение. Гибель этого большого человека надолго омрачила бы объявленную вашим правительством эпоху возрождения и консолидации Чили».

Советская пресса обвинила Сахарова в поддержке военного правительства Чили. Так, в передовой статье журнала «Коммунист» говорилось:

«...К чему ведёт это капитулянтство, видно из «личного послания» Сахарова военной хунте Чили, в котором он лебезит перед узурпаторами власти - тиранами чилийского народа, называя установленный ими варварский режим эпохой «возрождения и консолидации!»

Елена Боннер в своей статье «Дневники» об этом пишет, словно выгораживая мужа, говоря, что автором этого письма был не он, а вся советская пресса ополчилась, осуждая, в основном только одного Андрея Сахарова:

«...18 сентября Галич и Максимов написали Обращение к новой Чилийской администрации в защиту Пабло Неруды, которое подписал и Андрей.

Неруда тогда (по сообщениям радио) был взят под домашний арест, и о дальнейшей его судьбе не поступало никаких известий.

В письме, в частности, была такая фраза: «Насильственная смерть этого великого человека омрачит на долгие времена объявленную вами эпоху возрождения и консолидации Чили».

А 25 сентября в «Правде» появилась статья «Недостойная позиция».

В ней все три автора Обращения, но в первую очередь Андрей, обвинялись в поддержке Пиночета.

Мы «Правду» не выписывали, но утром нам кто-то из друзей сообщил об этой статье. Отнесли мы к этому сообщению более чем равнодушно...».

Насколько равнодушно отнёсся Андрей Сахаров, к тому, какую негативную реакцию вызвала его «Обращение к Пиночету можно узнать из его «Воспоминаний», в главе 13. (...Заявление Максимова, Галича и Сахарова в защиту Пабло Неруды...):

«...Компания писем в прессе внезапно прекратилась 8 или 9 сентября, но вскоре, уже более вяло, возобновилась с использованием совместного письма Галича, Максимова и моего в защиту чилийского поэта и коммуниста Пабло Неруды, находившегося под домашним арестом после переворота Пиночета, смертельно больного.

Письмо имело своей целью как-то смягчить трагическую обстановку в этой стране и отражало наше искреннее уважение к Неруде и беспокойство за его судьбу.

Письмо было составлено в обычных вежливых выражениях со ссылкой на «объявленную вами (т. е. новой администрацией Чили) эпоху возрождения и консолидации Чили». По контексту было ясно, что авторы письма приводили заверения новой администрации для формального подкрепления своей просьбы и в качестве формулы вежливости, не присоединяясь к этим заверениям по существу и не давая своей оценки положения в Чили и намерений администрации.

Однако в советской и просоветской прессе приведенные слова письма недобросовестно цитировались вне контекста, как якобы доказательство того, что я поддерживаю и восхваляю «кровавый режим Пиночета».

Это нечестное обвинение широко использовалось в 1973 году и много потом, вплоть до самого последнего времени, - очевидно, по отсутствию аргументов для дискуссии со мной по существу.

О Галиче и Максимове в советской прессе вообще не пишут; цель - опорочить меня.

Вскоре после появления в советской прессе статей о моей поддержке Пиночета в нашей квартире раздался звонок (телефон тогда еще не был выключен).

- Говорят из Мадрида, по поручению новой администрации Чили. Администрация выражает Вам благодарность за поддержку.

Я ответил:

- Спасибо, но я подчеркиваю, что наше письмо носило чисто гуманистический характер и не имело никаких политических целей.

- Да, мы это знаем.

Думаю, что это была какая-то провокация КГБ.

Я передал заявление о Неруде через Кирилла Хенкина, еврея-отказника, умного и много повидавшего на своем веку человека; Кирилл с большим блеском переводил меня на пресс-конференциях и тем много способствовал их успеху; Хенкин, по согласованию со мной, несколько смягчил последнюю, «опасную формулировку. Но этого оказалось недостаточно (кажется, в это время корреспондентам уже был передан первоначальный текст)...».

Пабло Неруда скончался 23 сентября 1973 года от рака, осложнившегося стрессом после свержения Пиночетом президента Чили Сальвадора Альенде, с которым Неруда находился в дружеских отношениях:

«...Президент Альенде погиб во время штурма президентского дворца 11 сентября 1973 года. До этого в Чили произошел переворот: коалиция левых партий и объединений, пришедших к власти в результате демократических выборов, во главе с профессором Альенде, была свергнута военными, которых возглавлял главнокомандующий сухопутными силами Чили генерал Аугусто Пиночет.

Президент Альенде отказался от предложения военных покинуть страну и остался для обороны президентского дворца с оружием в руках.

По официальной версии, появившейся при Пиночете, президент Чили застрелился, после того как понял, что сопротивление бесполезно.

Однако ходившие с тех пор слухи о насильственной смерти Альенде заставили нынешние власти провести эксгумацию тела и экспертизу...

...В результатах экспертизы указывается, что причиной смерти Альенде стала пуля, выпущенная им из его собственного оружия...» («Газета.Ru» от 19.07.2011)

В декабре 1973 года в Париже в издательстве «ИМКА ПРЕСС» вышел роман Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Это, конечно, не осталось незамеченным в СССР и с начала января в газетах появились первые публикации, посвященные выпуску этого романа. Вначале это были выдержки из иностранной прессы, а затем последовали и выступления ТАСС. Обеспокоенные правозащитники моментально отреагировали на угрозы в адрес Александра Солженицына и 5 января 1974 года В.Войнович, А.Галич, В.Максимов, А.Сахаров, И.Шафаревич обратились с призывом встать на защиту писателя:

Заявление

Мы глубоко обеспокоены и возмущены новыми угрозами Александру Солженицыну, которые содержатся в недавнем заявлении ТАСС.

ТАСС заявляет, что Солженицын – «предатель родины», который клеветает на её прошлое. Но как можно одновременно утверждать, что «допущенные» ошибки осуждены и исправлены, и в то же время называть клеветой честную попытку собрать и опубликовать исторические и фольклорные свидетельства об одной части этих отягчающих нашу коллективную совесть преступлений?

Ведь нельзя отрицать того, что действительно были массовые аресты, пытки, казни, принудительный труд, бесчеловечные условия, сознательное уничтожение миллионов людей в лагерях; было раскулачивание, преследование и уничтожение сотен тысяч верующих, насильственное переселение народов, антирабочие и антикрестьянские законы, преследование вернувшихся из плена. Были и другие преступления, поражающие своими жестокостью, коварством и цинизмом.

Право писателя писать и публиковать то, что велит ему совесть и долг художника, - одно из основных в цивилизованном обществе.

Это право не может ограничиваться государственными границами. Тем более такая возможность не может быть предоставлена якобы общественной организации «Всесоюзное агентство по охране авторских прав», которая фактически выполняет задачи политической цензуры, тенденциозной пропаганды и прямой валютной спекуляции на труде автора.

Мы уверены, что нет никаких опирающихся на закон оснований для преследования Солженицына за опубликование им за рубежом новой книги Архипелаг ГУЛАГ, как нет основания преследования кого-либо за подобные действия. Мы знаем, однако, что в нашем государстве возможны преследования и без таких оснований.

Мы призываем честных людей во всем мире, противостоять этой опасности, защитить гордость русской и мировой культуры - Александра Солженицына.

В.Войнович, А.Галич, В.Максимов, А.Сахаров, И.Шафаревич

Словно ответной реакцией на вопли правозащитников в газете «Правда» 13 января 1974 года была напечатана статья И.Соловьёва «Путь предательства». Статью перепечатали

практически все центральные и местные газеты. Затем начали печататься многочисленные отклики на эту статью, выдержки из которой приводятся ниже:

«...В последние дни буржуазная печать развернула антисоветскую шумиху в связи с публикацией на Западе очередного клеветнического сочинения Солженицына под названием Архипелаг ГАЛАГ.

На поверхности грязного потока антикоммунистической пропаганды вновь появилось имя отщепенца, который уже много лет сотрудничает с враждебными советскому народу зарубежными издательствами и органами печати, включая белоэмигрантские...

Книга Архипелаг ГУЛАГ явно рассчитана на то, чтобы одурачить и обмануть доверчивых людей всевозможными измышлениями о Советском Союзе. Автор этого сочинения буквально задыхается от патологической ненависти к стране, где он родился и вырос, к социалистическому строю, к советским людям.

Книгу эту, замаскированную под документальность, можно было бы назвать плодом большого воображения, если бы она не была начинена циничной фальсификацией, состряпанной в угоду силам империалистической реакции.

Если чем и может поразить читателя названное сочинение, так это, пожалуй, предельной степенью саморазоблачения человека, который смотрит на новое, строящееся общество глазами тех, кто расстреливал и вешал коммунистов, революционных рабочих и крестьян, отстаивая чёрное дело контрреволюции.

Такова логика морального падения, такова мера духовной нищеты этого внутреннего эмигранта, лишенного всякой связи с реальной жизнью нашего общества...

...В книгах «В круге первом» и «Раковый корпус» Солженицын с позиций воинствующего реакционера отвергал наши социалистические завоевания, ставя под сомнение основы советского общества. Антисоциалистическую направленность имеет и роман Солженицына «Август Четырнадцатого», посвященный началу первой мировой войны. Нет в этом романе ни исторической, ни художественной правды, а господствует одна, совершенно определенного толка тенденция. Солженицын выступает против революционеров, против социалистической революции. Зато с умилением пишет он о кайзеровских войсках, превозносит их генералов и офицеров...

...Буржуазная пропаганда пытается изобразить дело так, будто сочинения Солженицына не печатаются в Советском Союзе потому, что он-де пишет «правду» о некоторых драматических моментах в истории Советского государства, в особенности об имевших место незаконных репрессиях.

Это злонамеренная выдумка. <...> В нашей стране издан ряд произведений, содержащих критику недостатков и ошибок прошлого, о которых идёт речь, и советская общественность положительно восприняла эти произведения, потому что их авторы писали подлинную правду, не впадая в односторонность, не теряя чувства исторической перспективы...

...Но те господа на Западе, которые усердно курят фимиам Солженицыну, вряд ли наживут на столь малопочтенном занятии какой-нибудь капитал. Слишком уж очевидны мерзость и ничтожество этой фигуры - и в нравственном, и в политическом отношении.

Уместно напомнить здесь дошедшие до нас из древности слова: «Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу». Так было и так будет.

Как известно, советская общественность, Союз писателей неоднократно предупреждали Солженицына о недопустимости его поведения, позорящего звание советского гражданина. Но Солженицын ничему не внял и ничему не научился.

Он был и остался антисоветчиком и антикоммунистом, сознательно перешедшим в лагерь врагов мира, демократии и социализма. Он выступает в роли провокатора и подстрекателя, заклинающего империалистов проводить по отношению к СССР «политику силы»...

Солженицын удостоился того, к чему столь усердно стремился, - участи предателя, от которого не может не отвернуться с гневом и презрением каждый советский труженик, каждый честный человек на земле.

И.Соловьёв, «Путь предательства», «Правда» от 14 января. 1974 года.

18 января 1974 года Солженицын сделал заявление, в котором с присущей ему страстностью указывал на подтасовки фактов и натяжки, совершаемые советскими органами печати. Среди прочего он писал:

«На какие страницы они будут указывать, из какой книги? Ведь «Лит.газета» попала на мародёрстве, на раздевании трупа: она цитирует захваченный экземпляр, 4-ю и 5-ю часть «Архипелага», которые еще не печатаны, - в Госбезопасности делал выписки подозрительный «литератор!»».

12 февраля 1974 года в 5 часов Солженицын был арестован и доставлен Лефортовскую тюрьму, где ему предъявили обвинение в измене родине (по ст. 64 УК РСФСР).

А.Сахарову об аресте Солженицына стало известно вечером того же дня, «и тотчас, бросив все дела, поехал на квартиру его жены Н.Светловой, где той зимой большую часть времени жил писатель, хотя московские власти и отказывались его прописывать.

Здесь уже находились Игорь Шафаревич, Лидия Чуковская, Юлий Даниэль, Вадим Борисов, Наталья Горбаневская, другие правозащитники и друзья Солженицына. Прямо по телефону Сахаров сделал заявление для канадского радио и телевидения, которое было распространено и другими СМИ»:

«Я говорю из квартиры Солженицына. Я потрясен его арестом. Здесь собрались друзья Солженицына. Я уверен, что арест Александра Исаевича- мечь за книгу, разоблачающую зверства в тюрьмах и лагерях.

Если бы власти отнеслись к этой книге как к описанию прошлых бед и тем самым отмежевались от этого позорного прошлого, можно было бы надеяться, что оно не возродится. Мы воспринимаем арест Солженицына не только как оскорбление русской литературы, но и как оскорбление памяти миллионов погибших, от имени которых он говорит. 12 февраля 1974 года. 22 часа»

Из статьи Елены Боннэр «До дневников» («Знамя» 2005, №11) можно узнать более подробно, какую это вызвало реакцию в стане правозащитников:

«...Все были возбуждены, все считали, что надо что-то делать, но вначале было неясно что. И тут кто-то сказал - писать воззвание. Воззвание?

О чём? К чему звать? Наконец в шуме и крике появились трезвые мысли, и стало вырисовываться содержание будущего Московского Обращения - требовать освобождения Солженицына и создания Международного трибунала для расследования фактов, разоблачению которых посвящена его книга «Архипелаг ГУЛАГ».

Я села за машинку. Диктовали мне Шрагин и Литвинов. Они поминутно бегали на кухню согласовывать с остальными отдельные фразы и даже слова.

Под утро текст был готов. Его подписали все, кто был в это время у нас дома. Кто-то стал звонить по телефону друзьям, чтобы собрать еще подписи.

К утру все разошлись. Мама (Елены Боннэр) легла. Андрей дремал на кухонном диванчике. А я в течение двух часов звонила в иностранные агентства и домой иностранным корреспондентам и диктовала им по телефону текст обращения...»:

«Московское обращение»

1. Опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ» в СССР и сделать его доступным каждому соотечественнику;
2. Опубликовать архивные и иные материалы, которые дали бы полную картину деятельности ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ;
3. Создать международный общественный трибунал по расследованию совершенных преступлений;
4. Оградить СОЛЖЕНИЦЫНА от преследований и дать ему возможность работать на родине.

А.Сахаров, Е.Боннэр, В.Максимов,
М.Агурский, П.Литвинов, Ю.Орлов,
свящ.С.Желудков, А.Марченко, Л.Богораз

Авторы «Московского обращения» призвали к созданию в разных странах национальных комитетов по сбору подписей под обращением.

В то же время 13 февраля в 13 часов в одиночной камере Лефортовской тюрьмы заместитель генерального прокурора СССР М.П.Маляров прочёл Солженицыну Указ, лишивший его гражданства СССР. В тот же день Александра Солженицына посадили в самолёт и «насильно выдворили» из Советского Союза в ФРГ.

«...Почти сразу после этого (кажется, в 11 или 12 часов утра) радиостанция «Немецкая волна» сообщила, что самолёт с Солженицыным приземлился на аэродроме во Франкфурте. Андрей

позвонил Наташе Солженицыной, но она уже знала об этом...» (Елена Боннэр «До дневников» «Знамя» 2005, №11).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1974 года «О лишении гражданства и выдворении за пределы СССР А.И.Солженицына» гласил:

«Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР. Президиум Верховного Совета СССР постановляет: на основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР Солженицына Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска» («Свободная мысль», 1992. № 6).

«Сообщение ТАСС» от 13 февраля 1974 года:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А.И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтёт необходимым».

Как мы видим, компания по защите Александра Солженицына захлебнулась в самом зародыше, и мало того вызвало на Западе неоднозначную реакцию, по сути какого-то низкопробного спектакля.

Из книги В.Н.Войновича о «рядовых диссидентах» и о нём самом в то время, как и о приземлении Солженицына во Франкфурте на Майне, вообще, всплывают любопытные (но малоприятные для вождей правозащитного движения в СССР) детали:

«...В то время, когда травили Солженицына, я и сам был в числе гонимых. Меня преследовали не так шумно, но вполне зловеще. Втихомолку расправиться с человеком всегда легче, чем на глазах, тем более на глазах всего мира.

Василий Гроссман про себя говорил, что его задушили в подворотне. Угроза быть задушенным в подворотне (может быть, даже буквально) висела и надо мной.

В 1968 году я получил в Союзе писателей первый строгий выговор с предупреждением, в 1970-м - второй с последним предупреждением.

Мои книги были запрещены. Обвинения, против меня выдвигавшиеся, по тогдашним меркам и при моей еще малой известности вполне «тянули» на большой лагерный срок.

И именно в этот период я неоднократно и резко выступал в защиту Солженицына, пользовался любым случаем, чтобы сказать публично, что он великий писатель, великий гражданин, и только это и, разумеется, без намёка на критику.

При этом сомнения мои накапливались, а после прочтения «Архипелага ГУЛАГ» умножились и окрепли, но, правда, тоже не сразу. Потому что как раз в это время над автором разразилась гроза.

В сентябре 1973 года кагэбэшники в Ленинграде схватили одну из добровольных помощниц Солженицына - Елизавету Воронянскую, заставили выдать хранившуюся у неё рукопись «Архипелага ГУЛАГ», после чего Воронянская тут же повесилась.

Рукопись была конфискована. Солженицын сделал заявление иностранным корреспондентам, начался опять шум на весь мир, скандал, который власти, не соображая, что творят, раздували чем дальше, тем больше.

13 (12 февраля) февраля 1974 года на пике скандала Солженицын был арестован. Как раз в это время пришла мне повестка на моё исключение из Союза писателей, которое должно было состояться ровно неделей позже (20 февраля).

В числе наиболее тяжких вин перед народом значились публикация «Чонкина» за границей, мои сатирические письма, выступления в защиту разных людей, и особенно - в защиту «литературного власовца» Солженицына.

Мне самому грозила судьба невеселая. Но арест Солженицына настолько меня возмутил и взволновал, что переживания по поводу собственных дел у меня отошли на второй план.

Я включал радио, перескакивал с волны на волну и испытывал тревогу, как при начале войны. Я не сомневался, что арест Солженицына - это только начало, дальше они с ним сделают что-то ужасное. Может быть, даже убьют. А затем повторится у нас в полном объёме 37-й год.

Это было не только моё ощущение. Мир захлебывался от негодования. В эфире на всех языках бесконечно повторялось одно имя: Солженицын, Солженицын, Солженицын ...

В Европе готовились массовые демонстрации и митинги у советских посольств. Советских представителей забрасывали гнилыми помидорами и тухлыми яйцами. Раздавались призывы жителей западных стран к своим правительствам порвать все отношения с Советским Союзом.

И вдруг - неожиданный потрясающий поворот сюжета. Примерно, как в фильме Спилберга «Список Шиндлера», когда в бане лагеря уничтожения евреев из душевых леек на голых людей вытекли не клубы смертоносного газа, а струи теплой воды.

Продержав в Лефортове одну ночь, арестанта, живого, здорового, в казенной пыжиковой шапке, доставили на Запад прямо под ослепительный свет юпитеров.

Некоторые потом завистливо иронизировали, что высылка Солженицына была гениально разработанной пиаровской акцией. Но она не была, а оказалась, из иронистов мало кто решился бы на подобный «пиар» без гарантированного хеппи-энда.

Солженицын всерьёз шёл на смерть, и (теперь можно и пошутить) не его вина, что его не убили.

Но небывалый шум вокруг его имени отвлек внимание от других, не столь громких имён, чем гэбисты вряд ли упустили возможность воспользоваться.

Я говорю не о себе, а о тех, кто был в гораздо худшем, чем я, положении.

Солженицына за то, что он написал, выслали на Запад, а людям неизвестным только за чтение его книг давали тюремные сроки.

Я был более защищён, чем эти люди, но мне мои преследователи говорили, что я не Солженицын и напрасно надеюсь, что со мной будут «чикаться» так же.

Я не надеялся, и меня ровно через неделю исключили из Союза писателей и дальше семь лет пытались расправиться со мной «по-тихому».

Поняли, наконец, что шумная травля привлекает к жертве большое внимание и делает её до некоторых пределов менее уязвимой...».

Самыми интересными для автора этой статьи были в книге Владимира Войновича его впечатления от чтения романа «Архипелаг Гулаг». Нечто подобное, правда, в меньшей степени, испытал и сам автор этой статьи, когда читал в 1968 году, находясь в армии повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», опубликованную в журнале «Новый мир», после того, как в газете «Известия», он натолкнулся на небольшую заметку со специфичной «критикой» этого произведения. Но пока остановимся на первых впечатлениях Владимира Войновича:

«...Меня не столько то смутило, что он (*Солженицын*) под псевдонимом Ветров подписал в лагере обязательство сотрудничать с «органами», сколько возникшее при чтении этого эпизода в «Архипелаге» чувство, что признание выдаётся за чистосердечное, но сделано, как хитроумный опережающий шаг.

Воспоминатель поспешил обнародовать этот случай, не дожидаясь, пока за него это сделают его гэбэшные оппоненты.

Сам факт меня не смутил бы, если бы речь шла о ком-то другом. Я обычно не осмеливаюсь судить людей за слабости, проявленные в обстоятельствах, в которых мне самому быть не пришлось. Тем более я не поставил бы лыко в строку тому, кто обязательство подписал, но от исполнения уклонился и сам поступок свой осудил.

Любого в такой ситуации корить было бы не хорошо. Но в данном случае речь ведь идёт о человеке, который претендует на исключительную роль непогрешимого морального авторитета и безусловного духовного лидера.

Он с особой настойчивостью и страстью попрекает нас в конформизме, обвиняет во всех наших слабостях и грехах, видя себя самого стоящим на недоступной нам высоте.

А оказывается, на доступной высоте он стоит. Но претендует на большее. Он от исполнения обязательства уклонился, а в то, что так же могли уклониться другие, не верит.

Почему же? Насколько нам известно (и сам он о том свидетельствует), даже и в тех крайних обстоятельствах жизни были люди, которые на подобные компромиссы не шли вообще.

Я продолжил чтение и, чем дальше, тем чаще морщился...».

Впечатления автора этой статьи от «Ивана Денисовича» были хуже некуда. Но он продолжал читать, понимая, что в скором времени этот журнал будет изъят из солдатской библиотеки и ему будет трудно судить о том, что в нём такого было вредного, если эта «повесть» ничего другого кроме скуки даже у него вызвать не может. Всё о сталинских лагерях можно было написать намного короче, проще и понятней любому человеку. И, тем не менее, ещё страшней и ужасней, как это сделано бывшими «политзаключёнными» Варламом Шаламовым («Колымские рассказы» в книге «Воскрешение лиственницы» М., Художественная литература, 1990, стр.3-184) и известным всем артистом Георгием Жжёновым («От «Глухаря» до «Жар-птицы»)» М., Современник, 1989).

Не надеясь на свой вкус, автор этой статьи дал прочитать повесть Солженицына своему соседу по кроватям снизу. Тот смог осилить только половину повести, а сосед с верхнего яруса кроватей, прочитав несколько страниц – вернул журнал и сказал, что с таким же успехом, можно читать, как роман и Устав строевой службы.

Казалось бы, зачем автор этой статьи столько места отвёл рассказу о диссидентах, уклонившись от основной темы, посвящённой Владимиру Высоцкому, к тому же не касаясь его жизнеописания, а только того, как сам воспринимал его творчество в своей жизни. Исключительно только из-за того, чтобы показать, кто во «времена Высоцкого» выражал протест, «борясь» с существующими порядками, довольно часто недостойными порядочных людей методами, не брезгуя политическими спекуляциями и откровенно провоцируя власти, на ужесточение мер для борьбы с инакомыслием тех, кто действительно, добивался прав и свобод для всего народа, а не одних каких-то «самых обиженных» этнических групп.

Правильнее было бы сказать не столько этнических групп в целом, сколько не малого числа лиц принадлежащим к этим группам или интернациональным группировкам, стремящихся «купить» своей «борьбой» билет, не только на «землю обетованную», но и получить «путёвку» на постоянное местожительство в «западный рай».

Как правило, говоря о Владимире Высоцком, его наделяют несвойственными ему качествами, приписывают ему (цитируя слова его песен) то, что он не делал, и в то же время, подчёркивая, что он так думал или где-то, что-то подобное говорил.

Всё это наиболее ярко отражено в очерке Владимира Огнева «О Владимире Высоцком» (М., Гелеос, 2008, стр.447-438):

«...У Высоцкого оживший памятник протестует против искажения его живой, человеческой сути и... вырывается из камня и гранита! «Маски», «манекены» - вот обратная сторона перевоплощения поэта, ибо он – за живую природу, за естество, за простую, пусть грешную, жизнь.

Неудержимая ярость правды, нетерпимость к равнодушию, «сочувствованию издалека», вне эпицентра штормов жизни («Штормит весь вечер...», попытка преодолеть прерванный полёт желаний, презрение жизни вполнакала, страстное стремление прервать механический ход событий, когда толпа, идя по замкнутому кругу, считает это вечным движением, путём вперёд («Мосты сгорели, углубились броды...»), - это было кредо Высоцкого – ходившего по канату и видевшего, как и его герой, толпу, походившую на лилипутов.

Написал это и подумал: неточно. Когда Высоцкого отождествляли с его героями, он лукаво резюмировал:

«Спасибо... что вы неверно поняли меня» («Я к вам пишу»).

Почему – спасибо? Да, потому что он – часть того же народа, его персонажи в чём-то схожи, они в одной команде – людей манекенов, и потому часть вины за убогих духом он сам готов – и нас зовёт! – взять на себя:

«Я согласен бегать в табуне – но не под седлом и без узды»

- вот в чём сущность его позиции, а если ещё точнее, то – в крайнем случае – сбросив жокея, если уж от седла и узды не освободиться... А как мы ведём себя в табуне?..».

Если захотеть охарактеризовать Владимира Высоцкого как «борца с тоталитарным режимом» или в более скромном качестве, как «борца с застоём и с советской бюрократией», то в этом направлении потрудились не мало «деятели» и в России, и, как сейчас говорят про разных отщепенцев, «правозащитников» «дальнего и ближнего

зарубежья». Но, пожалуй, лучше, чем сказал об этом в своей книге Фёдор Раззаков «Леонид Филатов: голгофа русского интеллигента» (М., Эксмо, 2006, стр.137), врятли кто-либо уже скажет что-то ещё более новое или никому неизвестное о Владимире Высоцком.

Автор этой статьи, конечно, мог бы сократить текст приведённой ниже выдержки из этой книги, многое из того, о чём уже говорилось выше, но решил, чтобы его не обвинили предвзятости, оставить всё на своих местах. Единственно, только для того, чтобы читатель мог понять, откуда начали «расти уши», о Владимире Высоцком, как «о борце с преступным советским режимом», благодатной почвой для чего, послужил спектакль Юрия Любимова «Владимир Высоцкий»:

«...Но вернемся к спектаклю «Владимир Высоцкий ». По сути, именно с этого творения Любимова на свет стал рождаться тот либеральный миф о Владимире Высоцком , который станет активно культивироваться в советском обществе с момента прихода к власти Михаила Горбачёва, а после его краха и в постсоветской России.

Основу этого мифа составляет постулат, что Высоцкий всю свою творческую жизнь боролся с жуткой тоталитарной системой в лице советского государства, и погиб в неравной схватке с этим монстром.

Именно поэтому спектакль начинался с известного стихотворения Высоцкого , где он декламировал, что ему «объявили явную войну» за то, что он «нарушил тишину».

Однако все ли так однозначно в этой «войне», как кажется поэту?

Метафора, избранная Высоцким – «война», – это явный перехлёст. Война штука жестокая и кровавая, и если бы она действительно велась против Высоцкого, то его поэтическая судьба оборвалась бы гораздо раньше, чем в 42 года.

В самом деле, наивно предполагать, что, имея советская власть желание сломать хребет подобному храбрцу, у него хватило бы сил этому сопротивляться на протяжении столь долгого времени – почти 15 лет.

Выстоять и победить в одиночку против такой махины, каким было советское государство, никому ещё не удавалось. Даже такому неординарному человеку, как Высоцкий.

А выстоял он потому, что определённые силы в руководстве страны делали всё от них зависящее, чтобы такое явление, как Владимир Высоцкий (или та же «Таганка»), жило и творило как можно дольше. То есть парадокс заключается в том, что советская власть боролась с творчеством Высоцкого и одновременно поощряла его, о чём большинство высокоцковедов старается сегодня не вспоминать. По сути это была не настоящая война, как пишет Высоцкий , а всего лишь игра в войну.

Однако либералы ухватились за этот термин именно потому, что он позволял уличить советский режим в жестокости.

Высоцкий в своих многочисленных интервью неоднократно заявлял, что долгие годы пытался пробиться сквозь «ватную стену», окружающую его (то есть, имея в виду запреты, которыми обкладывало его государство), но высокоцковеды упорно ведут дело к тому, чтобы создать у людей впечатление, будто Высоцкий стоял не у «ватной стены», а у расстрельной стенки. Как говорится, почувствуйте разницу.

Даже беря во внимание все те многочисленные запреты, которыми власти обкладывали Высоцкого, все зуботычины, которые он зарабатывал, лично у меня не поворачивается язык назвать это противостояние жестоким.

Более того, в нём четко читается то, что вся эта борьба была спланирована на самом кремлёвском верху, чтобы использовать Высоцкого в той закулисной политике, которую Кремль проводил, как у себя в стране, так и за её пределами.

Иначе никак не объяснить, как это «непримиримый борец с тоталитарным режимом » Владимир Высоцкий в течение 16 лет играл в одном из популярных столичных театров, снялся в 31 фильме, выпустил несколько миньонов, дал столько живых концертов почти во всех союзных республиках, что их число вообще учёту не поддается, женился на иностранке и семь лет ездил к ней за рубеж и т. д. и т. п.

Вот и выходит, что-то здесь не так: либо власть жестокая, но не к Высоцкому, либо её жестокость – всего лишь выдумка.

Более полутора десятка лет Высоцкий служил в Театре на Таганке. Театре, который, как уже отмечалось, ввёл моду на антисоветизм в духовной жизни сначала в масштабах столицы, а потом и всей страны. Вышло это не случайно, а вполне закономерно, поскольку во главе «Таганки» стоял такой человек, как Юрий Любимов, – яркий представитель того либерального крыла советской интеллигенции, которые сначала были ревностными сталинистами, а затем легко перековались в их яростных ниспровергателей, поскольку пепел убиенных родственников все эти годы стучал в их сердцах.

У Высоцкого, в отличие от Любимова, никаких личных счётов к советской власти не было. Он родился в нормальной советской семье, где отец был военным, а мама служащей.

Отец мечтал, чтобы его сын приобрёл серьёзную профессию, стал строителем, но сын пренебрёг этим пожеланием и, проучившись всего год в МИСИ, подался в артисты. Чем и решил свою дальнейшую судьбу.

Актёрская среда в годы хрущёвской «оттепели» была активно втянута в споры западников и державников, а любимым словом в этих спорах было слово «свобода». Что это такое и с чем её едят, никто себе толком не представлял, однако спорили о ней денно и ночью до хрипоты, до посинения. (Как пел сам Высоцкий в одной из своих ранних песен: «Мне вчера дали свободу – что я с ней делать буду?!»)

Именно в поисках этой свободы Высоцкий и взялся за гитару, поскольку гитарная песня в те годы стала одной из выразительниц свободолюбивых «оттепельных» настроений.

Та же гитара стала пропуском, который помог Высоцкому попасть в любимовскую «Таганку». Ведь к моменту своего появления там (лето 1964 года) Высоцкий ничего особенного собой, как артист не представлял.

И взял его Любимов за другое: он не только хорошо играл на гитаре и пел, но и сочинял стихи. А «Таганка» замышлялась Любимовым именно как поэтический театр, поскольку поэзия в те годы была властительницей дум в советском обществе.

Это был поворотный момент в судьбе Высоцкого. До этого он успел поработать в двух столичных театрах, но в обоих был на подхвате – бегал в массовке. И только попав в «Таганку», он оказался в своей тарелке.

Атмосфера инакомыслия, которую принёс в этот театр Любимов, стала питательной средой для бунтарского нутра Высоцкого. В итоге уже спустя несколько лет он превратился не только в ведущего артиста «Таганки», но и в «звезду» гитарной песни всесоюзного масштаба.

Крен в социальность поэзия Высоцкого приобрела ещё в его ранних произведениях – так называемых блатных песнях. Уже там герой противопоставлялся либо коллективу, либо обществу в целом.

Обращение Высоцкого к блатной теме было не случайным. Хрущёвская «оттепель» освободила из лагерей и тюрем тысячи людей, которые волей или неволей принесли с собой в нормальную жизнь блатную романтику.

А поскольку Высоцкий был сыном улицы (родители его воспитанием занимались мало), то эта романтика стала той путеводной звездой, которая светила ему в начале его поэтической карьеры.

Однако едва Высоцкий оказался в стенах либеральной «Таганки», как блатная тема в его творчестве вмиг улетучилась и ей на смену пришли более серьёзные размышления. Но стержень в песнях Высоцкого остался прежний: конфликт героя с окружающей действительностью, естественно, советской. Эта конфликтность чётко ложилась и в русло той репертуарной политики, которая проповедовалась в любимовской «Таганке».

Как мы помним, после подавления «бархатной революции» в Праге советские власти не слишком круто обошлись со своими либералами. Того же Юрия Любимова сначала уволили из театра, а спустя две недели восстановили.

Что касается Высоцкого, то его решили припугнуть со страниц «державной» прессы. В итоге летом того же 68-го по нему был сделан залп со страниц ряда центральных и периферийных газет, где песни Высоцкого были названы чуждыми советским людям.

Справедливы ли были эти претензии? С точки зрения властей (а не почитателей таланта Высоцкого, к коим автор этих строк относит и себя), провозгласивших своей конечной целью построение духовно здорового общества, абсолютно справедливы.

Ведь в этих статьях речь шла о тех песнях Высоцкого, где он пел о шалавах, воровских притонах и пьяных загулах. Даже учитывая, что в советском обществе было достаточно людей, которые в реальной жизни сталкивались с подобными вещами, возникает вопрос: почему государство должно было пропагандировать эту теневую сторону жизни?

Пой Высоцкий о прекрасном, и проблема бы не возникла. Ведь год назад, когда он снялся в двух фильмах – «Вертикаль» про альпинистов и «Я родом из детства» о войне – и спел в них несколько своих песен, государство тут же выпустило четыре из них (из «Вертикали») на грампластинке, причём огромным тиражом. А песню «Братские могилы» из «Я родом из детства» взял в свой репертуар Марк Бернес.

Значит, говорить о том, что Высоцкого ущемляли, как исполнителя было нельзя: его били за аморальных «шалав», но за правильных альпинистов и героев войны, наоборот, поощряли.

Выбрав в качестве мишени Высоцкого, а также другого барда – Александра Галича (в том же 68-м по нему тоже был дан залп в советской прессе), кремлёвские идеологи ставили целью лишь приструнить певцов, а в их лице и советских западников, для которых оба этих исполнителя с недавних пор стали кумирами.

В одной из критических статей о Высоцком её авторы написали, что он «не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью». То есть певца уличили в отсутствии патриотизма. В конце заметки были приведены слова Льва Толстого, где он говорит об «умственных ядах, которые, к несчастью, часто привлекательны». Это был откровенный намек советским «талмудистам» на их далеких предшественников с их «сладким талмудическим ядом», который некогда подточил идеологические основы, уже упоминавшегося выше, Великого Хазарского каганата.

После летней атаки на Высоцкого последовала ещё одна, поздней осенью, когда певца «припечатали» два корифея советской музыки: композиторы В. Соловьев-Седой и Д. Кабалевский. Эта атака тоже была не случайной, поскольку сразу после июньских «разборок» Высоцкий сочинил две песни, которые стали своеобразными гимнами либеральной интеллигенции. Это были песни «Охота на волков» (под волками Высоцкий подразумевал таких же инакомыслящих людей, как он сам) и «Банька по-белому» (в ней речь велась от лица бывшего зека, пострадавшего в годы сталинских репрессий).

«Банька» не была первой советской антисталинской песней (об этом раньше пел тот же Галич), но она, в силу своей несомненной яркости, стала самой раскрученной.

В ней был полный набор «оттепельных» штампов: «повезли из Сибири в Сибирь» (то есть вся страна – один сплошной концлагерь), «наследие мрачных времен» (ничего кроме мрака в сталинских временах либералы видеть не хотели) и т. д.

Эти штампы ясно указывали на то, что Высоцкий был типичным представителем «детей XX съезда», для которых доклад Хрущёва «о культе личности» в **1956 году** стал настольной книгой, как и для западных спецслужб, которые выпустили его отдельной брошюрой в несколько миллионов экземпляров, внося в него от себя 34 фальшивые правки.

Во многом именно благодаря пристальному вниманию к теме сталинских репрессий западных спецслужб советское руководство и решило наложить на эту тему табу, последовав примеру тех же американцев, которые таким же образом наложили табу на тему собственных репрессий против североамериканских индейцев и негров.

Известно, что за годы колонизации США из 1 миллиона индейцев в живых осталось около 200 тысяч, а негров было уничтожено несколько миллионов, но американские власти старались эту тему не ворошить: об этом редко писалось в книгах, не рассказывалось по ТВ, а Голливуд изображал краснокожих обитателей североамериканского континента исключительно как злобных варваров, охотившихся на белых людей.

И американская интеллигенция (за небольшим исключением) приняла эти правила игры: в целях пропаганды подобного отношения к индейцам американскими либералами даже была создана ассоциация «Американские авторы вестерна», которая зорко следила за тем, чтобы белые люди в вестернах выступали героями, а индейцы – злодеями. Получалось, что американские либералы оказались намного патриотичнее, чем их советские единоверцы.

Несмотря на обращение Высоцкого к запретным темам, осенне-зимняя атака на него была больше похожа на лёгкую зуботычину, чем на «охоту на волков» с «кровью на снегу».

Какая кровь, если в том же 68-м Высоцкий был утверждён сразу на две роли в кино: в картинах «Хозяин тайги» и «Опасные гастроли». Причём если в последнем он играл главного героя-злодея (что, кстати, не помешало ему через год получить грамоту от МВД СССР «за активную пропаганду в кино работы милиции»), то во втором сыграл артиста варьете, активно помогающего большевикам и геройски погибающего за дело революции.

В обоих фильмах Высоцкий пел свои песни, но это были песни из разряда правильных, за которые их автору даже выплатили гонорар.

Все эти факты ясно указывают на то, что брежневское руководство достаточно демократично отнеслось к своим доморощенным приверженцам «бархатной революции». Будь это иначе, то Любимов вряд ли продолжал бы ставить свои спектакли с «фигами», а Высоцкий не отделался бы только нападками на свое песенное творчество.

Ведь в арсенале партийных идеологов была масса способов, как «загасить» славу неугодного артиста. Причём в случае с Высоцким особо ничего придумывать не понадобилось бы: актёр являл собой весьма уязвимую мишень, будучи втянутым сразу в несколько пьяных скандалов в Театре на Таганке, за что его даже собирались оттуда уволить (только в 68-м коллектив «Таганки» собирался это сделать дважды).

Обычно таких проступков партийные идеологи не прощали, тем более людям, которые покушались на их «священную корову» – идеологию. Достаточно сказать, что за целое десятилетие (1958–1968) руками прессы (руководимой, естественно, из ЦК КПСС) были показательно «выпороты» несколько десятков советских кумиров, которых власть, таким образом наказала за их аморальное поведение или идеологическое непослушание.

Среди этих кумиров были: спортсмены Эдуард Стрельцов, Валерий Воронин, Трофим Ломакин, Виктор Агеев, актрисы Людмила Гурченко, Александра Завьялова, режиссер Иван Пырьев, актеры

Марк Бернес, Павел Кадочников, Леонид Харитонов, певцы Глеб Романов, Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев, писатель Николай Вирта и многие другие.

Высоцкий, который куролесил не меньше, чем все вышеперечисленные деятели, в этот список не угодил ни тогда, в 68-м, ни позже, когда его звезда на небосклоне гитарной песни засверкала ещё ярче и должна была всерьез обеспокоить партийных идеологов.

Возникает законный вопрос: почему? Судя по всему, певца продолжали «крышевать» те же высокие покровители, что и Юрия Любимова.

Кроме этого, была ещё одна веская причина не трогать Высоцкого: его громкий роман не просто со звездой французского экрана, а с членом Французской компартии Мариной Влади.

Она вступила в её ряды как раз в том самом июне 68-го, когда Высоцкого «песочили» в прессе, и одна из немногих в её рядах публично не осудила советское руководство за чехословацкие события (за что ее спустя несколько месяцев, осенью все того же 68-го, избрали вице-президентом общества «Франция—СССР»).

Учитывая, что подавляющая часть западной интеллигенции от СССР тогда отвернулась, эта позиция Влади для Кремля дорогого стоила. Так Высоцкий, пусть невольно, но спрятался за спиной французской звезды. Как писал он сам: «Начал целоваться с беспартийной, а теперь целуюсь – с вожаком!»...».

На фоне «мнимого фона борьбы Владимира Высоцкого с тоталитарным советским режимом» деятельность Александра Галича, была открытым, ни чем не скрываемым протестом, причём активным, «провоцирующим власти принимать по отношению к нему репрессивные меры», начиная с мартовского 1968 года Первого фестиваля советских бардов в Новосибирске и кончая его иммиграцией, якобы к родственникам в Израиль, а на самом деле, из пересыльного пункта в Австрии, в более приемлемую для жизни и творчества страну, которой для него стала Западная Германия (ФРГ).

Если у Высоцкого не было никогда прямых контактов с Сахаровым и Солженицыным, и он никогда не подписывал писем в их защиту, и тем более, по их «конспиративным» квартирам никогда не выступал, то Александр Галич, не пропускал ни одной такой возможности, чтобы не отметить на каком-нибудь скандально-публичном мероприятии.

Поэтому в своих «Воспоминаниях» Александр Сахаров не упустил возможности оценить его «правозащитную» деятельность и тем более талант:

«...В декабре 1971 года был исключен из Союза писателей Александр Галич, и вскоре мы с Люсей (так её друзья называли жену Андрея Сахарова и он сам, Елену Боннер) пришли к нему домой; для меня это было началом большой и глубокой дружбы, а для Люси - восстановление старой, ведь она знала его ещё во время участия Севы Багрицкого в работе над пьесой «Город на заре»; правда, Саша был тогда сильно «старшим».

В домашней обстановке в Галиче открывались какие-то «дополнительные», скрытые от постороннего взгляда черты его личности - он становился гораздо мягче, проще, в какие-то моменты казался даже растерянным, несчастным. Но все время его не покидала свойственная ему благородная эlegantность.

Галич жил вдвоём с женой, Анжелиной Николаевной. В доме - довольно много антикварных вещей; недавно, когда он был преуспевающим киносценаристом («На семи ветрах», «Верные друзья» и др.), он умел со вкусом распорядиться своими гонорарами; сейчас же ему было (пока) что продать, чтобы купить жизненно необходимое.

На стене висел прекрасный карандашный портрет Анжелины Николаевны (я не знаю, кто был художник, - в эту женщину можно было влюбиться) и рядом стоял бюст Павла I. Я несколько удивился такому выбору, но Галич сказал:

- Вы знаете, история несправедлива к Павлу I, у него были некоторые очень хорошие планы.

(Недавно мы с Люсей читали интересную книгу Эйдельмана об эпохе Павла I, в чём-то подкрепившую для нас мысль Галича о некоторой несправедливости традиционных оценок этого человека.)

Ещё один эпизод из этой встречи запомнился - может, и не очень значительный, но хочется рассказать. Я стал говорить о «Моцарте» Окуджавы, я очень люблю эту песню. Но Галич вдруг сказал:

- Конечно, это замечательная песня, но вы знаете, я считаю необходимой абсолютную точность в деталях, в жесте. Нельзя прижимать ладони ко лбу, играя на скрипке.

Я мог бы сказать в защиту Окуджавы, что старенькая скрипка - это метафора и что все воспринимают Моцарта не как скрипача, а как композитора. Но в чём-то, с точки зрения

профессиональной строгости, Галич был прав, и мне это было интересно для понимания его собственного творчества скрупулезно-точного во всем, филигранного.

А «Моцарта» и другие песни Окуджавы я люблю от этого не меньше. Потом мы ещё много раз бывали у него; после отъезда Галича за границу нам очень не хватало возможности заехать иногда в эту ставшую такой близкой квартиру у метро «Аэропорт».

Бывал он и у нас, чаще всего - на семейных праздниках, всегда охотно и помногу пел свои песни, без которых нельзя себе представить наше время. Помню, как однажды он на секунду замешкался, не зная, с чего начать, и Юра Шиханович (голосом, который у него становится в таких случаях несколько скрипучим) попросил спеть "По рисунку палешанина... (кто-то выткал на ковре Александра Полежаева в белой бурке на коне...)». Саша тронул струны гитары и запел:

...едут трое, сам в середочке, два жандарма по бокам:

Александр Галич «Гусарская песня»

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.
Тёзка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная - летальная,
Как сказали бы врачи.

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Ах, соколы-орлы!
Кому вы в сердце метили,
Лепажевы стволы?
...Не мне ль вы в сердце мстили,
Лепажевы стволы?!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок, —
Просто в путь, в ночную заволочь,
Важно тронулся возок.
И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал!
Едут трое: сам в середочке,
Два жандарма по бокам.

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Пора бы выйти в знать!
Но этой арифметики
Поэтам не узнать.
...Ни прошлым и ни будущим
Поэтам не узнать!

Где ж друзья твои, ровесники?
Некому тебя спасать!
Началось всё дело с песенки,
А потом - пошла писать!
И по мукам, как по лезвию...
Размышляй теперь о том -

То ли броситься в поэзию,
То ли сразу в жёлтый дом...

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Возвышенная речь!
А всё-таки наветики
Страшнее, чем картечь!
...Доносы и наветики
Страшнее, чем картечь!..

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.
Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крои;
Нам не знамя жребий вывесил -
Носовой платок в крови...

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике,
Столетие — пустяк!
...Столетие, столетие,
Столетие - пустяк... (1965)

...Его удивительный голос заполнил маленькую комнату Руфи Григорьевны, где мы все сидели. Сместились временные рамки, смешались судьбы людей, такие различные и такие похожие в своей трагичности (Александра Пушкина, Александра Грибоедова, Александра Полежаева и Александра Галича). Вскоре был арестован Юра Шиханович. Александр Галич летом 1974 года эмигрировал, а еще через три года - его не стало. "Столетие - пустяк".

Незадолго до отъезда Галич был у нас на дне рождения Люси. Он спел, в числе прочих, посвященную ей ностальгическую песенку о телефонах. Спел он в тот раз и свои, звучащие, как завещание «А бойтесь единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо!»», «Не зови - Я и так приду!», «Когда я вернусь...».

Александр Галич «Поэма о Сталине»

Глава 5, написанная в сильном подпитии и являющаяся авторским отступлением

То-то радости пустомелям,
Темноты своей не стыжусь,
Не могу я быть Птолемеем,
Даже в Энгельсы не гожусь.

Но от вечного бегства в мыле,
Не устройством своим томим,
Вижу - что-то неладно в мире,
Хорошо бы заняться им,
Только век меня держит цепко,
С ходу гасит любой порыв,
И от горести нет рецепта,
Все, что были, - сданы в архив.

И всё-таки я, рискуя прослыть

Шутом, дураком, паяцем,
И ночью, и днём твержу об одном -
Не надо, люди, бояться!

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!»

И, рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдёт по земле железом
И затопит её в крови.

И наврёт он такие враки,
И такой наплетёт рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помяните в горький час.

Слёзы крови не солонее,
Дорогой товар, даровой!
Прёт история - Саломея
С Иоанновой головой.

Земля - зола и вода - смола,
И некуда, вроде, податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Кто скажет: «Всем, кто пойдёт за мной,
Рай на земле – награда».

Потолкавшись в отделе винном,
Подойду к друзьям-алкашам,
При участии половинном
Побеседуем по душам,

Алкаши наблюдают строго,
Чтоб ни капли не пролилось.
«Не встречали - смеются - Бога?»
«Ей же Богу, не привелось».

Пусть пивнуха не лучший случай
Толковать о добре и зле,
Но видали мы этот «лучший»
В белых тапочках, на столе.

Кому «сучок», а кому коньячок,
К начальству - на кой паяться?!
А я всё твержу им, ну, как дурачок:
Не надо, братцы, бояться!

И это бред, что проезда нет,
И нельзя входить без доклада,
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Гоните его! Не верьте ему!
Он врёт! Он не знает - как надо!

Последний раз я слышал голос Саши в «нобелевскую ночь» в октябре 1975 года. Сквозь помехи и ночные трески международных телефонных линий прорвался его теплый, низкий голос:

- Андрей, дорогой, мы все тут безмерно счастливы, собрались у Володи (Максимова), пьём за твоё и Люсино здоровье. Это огромное счастье для всех нас...

...Галич купил (в Италии, где они дешевле) телевизор-комбайн и, привезя в Париж, торопился его опробовать. Случилось так, что они с женой вместе вышли на улицу, она пошла по каким-то своим делам, а он вернулся без неё в пустую якобы квартиру и, ещё не раздевшись, вставил почему-то антенну не в антенное гнездо, а в отверстие в задней стенке, коснувшись ею цепей высокого напряжения.

Он тут же упал, упёршись ногами в батарею, замкнув, таким образом, цепь. Когда пришла Ангелина Николаевна, он был уже мёртв. Несчастный случай по неосторожности потерпевшего...

И всё же у меня нет стопроцентной уверенности, что это несчастный случай, а не убийство. За одиннадцать с половиной месяцев до его смерти мать Саши получила по почте на Новый год странное письмо. Взволновавшись, она пришла к нам.

В конверт был вложен листок из календаря, на котором было на машинке напечатано (с маленькой буквы в одну строчку): "принято решение убить вашего сына Александра".

Мы, как сумели, успокоили мать, сказав, в частности, что когда действительно убивают, то не делают таких предупреждений.

Но на самом деле в хитроумной практике КГБ бывает и такое (я вспомнил тут анекдот о еврее, едущем в Житомир, который рассказывал Хрущёв). Так что вполне возможно, что телевизор был использован для маскировки – «по вдохновению», или это был один из тех вариантных планов, которые всегда готовит про запас КГБ...».

Иногда просто удивляешься выводам и поведению Андрея Сахарова, учёного, действительно убедительно излагающего свои идеи нового миропорядка и мироустройства, и в то же время, обвиняющего КГБ в том, что оно через кого-то по дешёвке продало Александру Галичу неисправный телевизор-комбайн. Не забыв при этом, приложить к нему инструкцию, с какой стороны и в какое гнездо нужно вставить штекер антенны, чтобы после удара током, он упал и упёрся ногами в батарею парового отопления. Скорее всего, это просто был очередной повод опорочить КГБ, или хотя бы «навести» тень на эту ненавистную ему организацию.

Автор этой статьи не стремился давать оценку роли Александра Сахарова в истории СССР, тем более оценивая его вклад в науку, а только ограничился тем, какую роль он сыграл в судьбе Александра Галича.

На этом, кажется, можно и закончить разговор о трёх наших самых известных бардах, - Владимире Высоцком, Булате Окуджаве и Александре Галиче, - отметив для них одно общее в жизни обстоятельство, связанное с Парижем, - это поехать туда (оказаться там), чтобы умереть. Правда Владимир Высоцкий не успел, хотя билет уже был туда заказан и неожиданно для всех (только не для его «друзей») умер в Москве. Это обстоятельство я и решил отметить в своей песне, считая, что из этих трёх бардов, только Владимир Высоцкий по отношению к своей стране ушёл из жизни так, что его нельзя упрекнуть, что он не любил своей Родины, какой бы она не была, и действительно остался в памяти народа, народным поэтом. В отличие от двух других бардов, одного смотрящего на неё тоскующим волком из-за кордона, и другого, до самой смерти, вынашивавшего на её советское прошлое, свою затаившуюся до перестройки, злость:

Тянет бардов всех в Париж,
Мотыльками на свет,
Но его не покоришь,
Не узнаешь наспех.

Его нечем удивить,
Повидал он, многих,
Там «Любить» и «Разлюбить»,
Рядом две дороги.

Галич там не преуспел,
Быстро всем наскучил,

Окуджава песни пел,
Сам себя измучил.

А Высоцкий, нет, чтоб петь,
Спал с Мариной Влади,
Не спешил везде успеть,
Жил не славы ради...

Галич глупо там погиб,
Окуджава сгинул,
И Высоцкого могли б,
Там «свести» в могилу.

Но его Бог уберёт,
Был Ему он ближе,
Потому и не помог,
Смерть найти в Париже...

Остаётся только несколько слов сказать о самодеятельной песне, после того, как авторская песня стала тише и глуше после смерти трёх самых известных бардов. Трое других известных бардов, отмеченных автором этой статьи, как бы вторым планом (говорившим о них, не умаляя их таланта и популярности), - Городницкий, Визбор и Кукин, - стали давать сольные концерты, которые по сравнению с концертами Высоцкого не собирали таких многочисленных аудиторий. Теперь уже нет среди нас, ни Юрия Визбора, ни Юрия Кукина. Александр Городницкий ещё выступает с концертами сам или с другими исполнителями своих песен, которых трудно назвать бардами.

Иногда автору этой статьи начинает казаться, глядя на их внешнюю респектабельность, что авторская песня потеряла свой первоначальный смысл, звать людей в дорогу за своей мечтой, бороться за справедливость, отстаивать честь и достоинство, и пропагандирует, образно говоря, вместо журавлей в небе обыкновенных синиц. При этом занимаясь воспеванием не важно, каким путём достигнутых в жизни успехов и суррогатов счастья из мнимых, ни к чему не обязывающих, любовных приключений. В результате автором этой статьи, однажды, глядя на выступления таких «бардов» была написана песня, излагающая всю суть описанной им проблемы:

«Гусары и кавалергарды»,
Гитары звон, как стук копыт,
Хотя в чужих мундирах «барды»,
Для них стол всё-таки накрыт.

Их ждёт торжественная встреча,
Набитый публикою зал,
Где будут петь они весь вечер,
Но то, что барин заказал.

Хотя мелодии известны,
Вокал опять заморозит,
Слова не выбросить из песни,
Как перечёркнутую жизнь.

Как много чувств, как мало правды,
Хотя почти её там нет,
«Гусары и кавалергарды»,
Нарушат разве этикет.

Они и в бой, теперь не рвутся,
У них давно уже ансамбль,
Их кони в битве, не споткнутся,
Ведь нет коней и даже сабель.

Они в политику не лезут,
Они спустились с баррикад,
Они споют и марсельезу,
И гимн советский повторят.

Мечтали долго о свободе,
Теперь для всех весь мир открыт,
Но всё равно прогноз погоды,
О жизни больше говорит.

Холёных лиц не счесть в партере,
Их взгляд за вырез в декольте,
У них дворянские манеры,
Им песни надо петь не те.

Немало ряженных в столице,
Народ устал, кого терпеть,
Но безразличны «бардов» лица,
Им всё равно, кому, что петь

Пусть есть, что спеть, споют и «мурку»,
«Шумел камыш» на свой манер,
Как к Чёрной речке на прогулку,
Ходил сам Пушкин, например.

Любовь, шампанское, дуэли,
И пуля в грудь с пяти шагов,
Кто на Кавказе не был в деле,
Через постель найдёт врагов.

Теперь не рвутся в офицеры,
Всё больше в Думу и в Сенат,
Клянутся «барды» Богу в вере,
Но только Чёрта веселят.

«Гусары и кавалергарды»,
Есть спрос на ряженных всегда,
И кем угодно станут «барды»,
И лишь собою никогда.

В своей статье «КСП и Высоцкий», автор этой статьи, обратил внимание на странное совпадение смерти Владимира Высоцкого и закрытия Грушинских фестивалей самодельной песни, в одном и том же 1980 году:

«...Случайность, - хотелось бы так думать! Но кто тогда из простого народа слышал о Грушинских фестивалях и знал о репертуаре исполняемых там песен, хотя с 1972 года стали выпускаться самиздатовские сборники. Правда, их было не столько, чтобы с ними мог ознакомиться каждый и потом где-нибудь исполнять, и тем более распространять в записях, как песни Высоцкого.

Владимира Высоцкого слушали все, как тогда уже говорили и в подворотне, и в Кремле. Он действовал намного эффективнее, расположенные вдоль границ Советского Союза

«радиоглушилок» вражеских голосов, своим голосом и понятным народу репертуаром, и «глушил» всех прочих бардов, с их социальными протестами, как бы они «брались за руки, чтоб не пропасть поодиночке».

Неужели бы власти не смогли пресечь распространение магнитофонных записей Высоцкого, если бы почувствовали от них какой-нибудь вред, а не очевидную пользу в идеологической и информационной войне с Западом.

Наоборот, с каждым годом увеличивался выпуск магнитофонов, мало того не препятствовался ввоз в страну и импортных двухкассетников, чтобы ещё больше упростить размножение новых творений любимого народом барда.

Я в 1974 году купил портативную печатную машинку Москва, после проверки её в магазине, с неё там была сделана контрольная распечатка, для передачи компетентным органам. И что я мог напечатать на этой машинке, какой принести вред, печатай прокламации, когда на четвертом экземпляре, напечатанном под копируку, текст уже был трудночитаем. А магнитофонов покупай, хоть несколько штук, без всякой регистрации, конечно, не всякий, какой тебе хотелось, но простой, стационарный уже не являлся тогда дефицитом.

Смерть Высоцкого, волна подражателей, которых хватало уже при его жизни, но уже со своим репертуаром – и отмашка «прикрыть самодеятельность».

А теперь считайте – использовала ли власть в стране талант Владимира Высоцкого или нет!

Ну, что я всё говорю, как будто стараюсь оправдаться, пора мне дать возможность высказаться самому Владимиру Высоцкому:

Я бодрствую, но вещей сон мне снится.
Пилюли пью – надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну:
Организации, инстанции и лица,
Мне объявили явную войну
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать – я в колесе не спица,
За то, что мне неймётся, и не спится,
За то, что в передачах заграница
Передаёт мою блатную старину,
Считая своим долгом извиниться:
«Мы сами, без согласия...» - ну и ну!
За что ещё, - быть может, за жену,
Что, мол, не мог на нашей подданной жениться;
Что, мол, упрямо лезу в капстрану
И очень не хочу идти ко дну;
Что песню написал – и не одну –
Про то, как мы когда-то били фрица,
Про рядового, что на дзот валится.
А сам – ни сном, ни духом про войну.
Кричат, что я у них украл Луну
И что-нибудь ещё украсть не премину,
И небылицу догоняет небылица.
Не спится мне. Ну, как же мне не спится?!
Нет, не сопьюсь, я руку протяну
И завещание крестом перечеркну,
И сам я не забуду осениться,
И песню напишу - и не одну, -
И в песне той кого-то прокляну,
Но в пояс не забуду поклониться
Всем тем, кто написал, чтоб я не смел ложиться.
Пусть чаша горькая – я их не обману.
(написано до 1978 года)».

Первый Грушинский фестиваль, обязанный своим названием страстному туристу и любителю самодеятельной туристической песни Валерию Грушину, погибшему в августе 1967 года на таежной реке Уде в Восточных Саянах, спасая детей, тонувших в ледяной воде, был организован с участием комсомола и областного совета по туризму и экскурсиям в 1968 году.

Но и Грушинские фестивали, став ежегодными слётами и первоначально проводившиеся, как фестивали самодеятельной туристкой песни, постепенно переросли в фестивали авторской песни.

Эти, по сути, фестивальные конкурсные концерты под Куйбышевом (теперь город Самара) и теперь проходят в огромном природном зале, не стиснутом потолком или стенами. Трибуна – гора, амфитеатром спускающаяся к озеру, сцена – плот-гитара, причаленная к берегу.

Не смотря на то, что из года в год росла популярность этих песенных смотров, ставших, можно сказать, всесоюзными, толку от них, кроме приятного времяпровождения, всё-таки было мало и считалось, если хотя одна новая песня, по мнению организаторов «пошла в народ» и то их время было потрачено не зря.

На XII-ом Грушинском фестивале в 1979 году, только по официальным данным, было зарегистрировано чуть ли не сто тысяч человек из 75 городов.

Казалось бы, какой вред могли нанести Советской власти эти фестивали, но в 1980 году, опасаясь ещё большего скопления народа, партийные власти Куйбышева отменили Грушинский фестиваль и очередной XIII-й Грушинский состоялся лишь в 1986 году и они продолжают до сих пор. В 2007 году среди организаторов Грушинского фестиваля произошёл раскол – они стали проводиться на двух площадках на Фёдоровских лугах и Матрюковских озёрах.

В 2010 суд поставил точку в вопросе о том, какой из «фестивалей» называть Грушинским. Фестиваль на Матрюковских озёрах в итоге сменил название на «Всероссийский фестиваль авторской песни «Платформа», хотя многие гости фестиваля, продолжали считать его Грушинским.

Автор этой статьи никогда не был участником этих фестивалей авторской песни, потому что это уже сейчас самые обыкновенные концерты под открытым небом, и там, разумеется, не может быть единомышленников какого-то конкретного дела, будь то туристический поход или длительная геологическая экспедиция, которых сильнее может сплотить только самодеятельная песня.

Самодеятельная песня это часть путевого дневника человека, который ищет своё место в мире, а не приспосабливается к обстоятельствам, чтобы добиться максимального благополучия любой ценой. Это его размышления, а порой, даже исповедь, перед самим собой. Это не профессиональная песня, она не десерт и не закуска, может испортить аппетит, она если уходит «в народ», то действительно становится народной, а если уходит вместе с автором, то ему от этого только легче, потому что есть что-то, что он может унести навсегда с собой.

Владимир Высоцкий ещё раз напомнил о себе автору этой статьи, совсем с неожиданной для него стороны в 1986 году, во время его последней «самодеятельной» экспедиции на север Иркутской области:

«Они стояли молча в ряд ...»

Эта моя последняя экспедиция 1986 года в верховья Левого Алтыба, (который, сливаясь с Правым Алтыбом и дальше становясь рекой Алтыб, впадающей в Большую Ерёму, одну из рек в бассейне Нижней Тунгуски, известной, как Угрюм-река), закончилась опять безрезультатно, как и все прежние, связанные с поиском предполагаемого места падения Тунгусского метеорита, предположительно упавшего, по одной из «вероятных» траекторий полёта, в верховьях реки Южная Чуня. Там на Левом Алтыбе, километром выше озера Эскэун, мной в 1982 году за пять дней была построена перевалочная база, для пеших экспедиций, по направлению к Южной Чуне, но больше чем на 5 километров в том направлении, не удалось пройти даже в этом году.

Опять не повезло с тем, что быстро падала вода и с подвесным мотором «Ветерок-8», в котором пришлось применять гребные винты, рассчитанные на мотор «Ветерок-12» большей мощности, и поэтому выжать из него более 6 лошадиных сил я не мог, что создавало проблемы при подъёме через пороги.

Но самое удручающее было в том, что от меня стали шарахаться люди, которые всегда шли с радостью на любой контакт, во время всех моих предыдущих путешествий.

Сначала, не придавая этому особого значения, я даже опрометчиво отказался от приглашения геологов работавших на реке Большая Ерёма, отвезти у них ухи.

Но чтобы не обидеть геологов, я тогда сказал им, что меня в Хомакашево (база охотников) дожидается охотник из Преображенки (село на Нижней Тунгуске) Геннадий Иннокентиевич Мирк, с которым у меня договорённость о перевозке части моего груза на его лодке до предалтыбских порогов. А может быть и дальше, - пришлось сказать тогда геологам, - если позволит вода, которая в том году после весеннего паводка быстро падала, даже через первые один или два порога.

Отказываясь от приглашения, я, тем не менее, пообещал, что на обратном пути обязательно воспользуюсь их гостеприимством.

О своём том путешествии в 1986 году я тогда написал песню, посвящённую плаванию по реке Большая Ерёма:

Большая Ерёма, Большая Ерёма
Нижний Тунгуски левый приток.
Я здесь, как дома, всё мне знакомо,
Даже мелькнувший Синильги платок.

На Кирикане, чаю в стакане,
Октябрину Иванычу я...
Я бы с ним выпил, но как ему выйти,
Потом из запоя уже без меня.

Дальше Геннадий, ждал, Иннокентич,
В Хомакашево я не был давно,
Пьёт Иннокентич, теперь уже меньше,
Не спирт питьевой, а сухое вино.

Я открываю коньяк пятизвёздный,
Кастрюля с чирками побольше ведра,
При превосходной, закуске походной,
Мы выпиваем по кружке до дна.

Нам до Алтыба, плыть не за рыбой,
Чтобы ему «купоротник» нарвать,
Ведь он полезный, от всяких болезней,
Если его на спирту настоять.

Пил я настойку, но вот постолько,
Запах коньячный в зимовье кружил,
Папортник в спирте, в обычной поллитре,
Сразу на нары меня уложил.

Знаю, что завтра, трезвей космонавта,
Мне предалтыбский порог нужно брать,
Где «купоротник», что в скалы, как воткнут
Мне помогать Иннокентичу, рвать.

Тихо, лишь плещется рыба в Ерёме,
Кто-то прошёл у зимовья, как слон...
Спит Иннокентич, и я в полудрёме,
В полусознаны похожем на сон.

Большая Ерёма, Большая Ерёма,
Нижний Тунгуски левый приток...
Я здесь, как дома, всё мне знакомо,
Даже мелькнувший Синильги платок.

Кирикан - левый приток Большой Ерёмы, недалеко от устья которого, на противоположном берегу, находилось зимовье охотника О.И.Верхотурова.

Хомакашево, бывшее село, от которого не осталась ни одного дома, недалеко от которого была охотничья база Г.И.Мирка.

Оба охотника жили в селе Преображенка, на левом берегу Нижней Тунгуски.

...На обратном пути, когда до базы геологов на Большой Ерёме оставалось километра два, я на одном из перекаатов сорвал на валу подвесного мотора шпонку крепления гребного винта и причалил к берегу, чтобы её заменить. Когда поднимал мотор, чтобы снять винт, моё внимание привлекла в воде сеть, в которой запуталось несколько маленьких рыбёшек.

Заменив шпонку и снова опустив в воду мотор, я хотел уже плыть дальше, как заметил, что из-за поворота реки выскочила моторная лодка, в которой находилось трое человек. Тогда я снова поднял мотор, полагая, что сейчас всё равно придётся знакомиться, и делиться новостями.

Но к моему удивлению лодка, когда меня заметили сидящие в ней люди, сразу резко развернулась в обратную сторону, и я даже толком не успел сообразить, почему это могло произойти, как она скрылась за тем же поворотом реки, откуда только что появилась.

Опуская снова мотор в воду, я опять обратился на поставленную в том месте сеть и сразу же всё понял. Запустив мотор и преодолев несколько поворотов реки, я, наконец, доплыл до лагеря геологов.

Теперь на берегу реки стояла, хорошо видная с реки, построенная геологами баня. Напротив бани стояли, частично вытянутые из воды на берег, две моторные лодки с подвесными моторами, но к моему удивлению, рядом с ними и на берегу, никого не было.

Звук подвесного мотора слышен за несколько километров, и это у меня был первый случай, когда на Большой Ерёме, где каждый человек редкий гость, чтобы никто не вышел посмотреть, кого чёрт занёс в эти места. Особенно, если лодка шла вниз по реке, в то время года, когда она почти везде «не судоходна».

Заглушив мотор и причалив к берегу, я потрогал поочерёдно руками корпуса подвесных моторов. Один из них был горячим, и как я уже предполагал, странный манёвр этой моторной лодки, был связан только лишь с обнаруженной мной сетью.

Я понял, что проплыв по пяти рекам (Лене, Нижней Тунгуске, Большой Ерёме, Алтыбу и Левому Алтыбу) 1300 километров с хорошим настроением, оставшиеся около 200-х километров придётся плыть чертыхаясь от такого «гостеприимства».

Уже приподнявшись в лодке, чтобы запустить мотор и плыть дальше, плюнув на своё обещание, воспользоваться гостеприимством этих людей, я вдруг представил, с каким настроением им придётся работать дальше, если они даже сейчас подумали обо мне так, что лучше со мной не встречаться.

И как мне было тогда не неприятно разговаривать с геологами, я всё-таки решил с ними объяснить. Поэтому, привязав лодку к тому же колу, к которому были привязаны лодки геологов, и, поднявшись по крутому берегу наверх, я не спеша, пошёл к их лагерю.

Лагерь (временная база экспедиции) геологов состоял из четырёх балков (подобных строительным деревянным вагончикам, но только не на колёсах, а на полозьях), установленных на небольшом расстоянии друг от друга по два, почти напротив друг друга, образуя при этом, что-то похожее на улицу, которая упиралась в длинный грубосколоченный стол.

Между балками, на каждой стороне «улицы», были натянуты по три троса. На одном из тросов между балками, с левой стороны, болталась низка небольших сушёных рыбёшек, хотя, судя по тому, как провисли все металлические тросы, можно было догадаться, что на них висело не менее сотни килограмм копчёной и вяленой рыбы.

По моему взгляду на эти троса, я понял, что геологи, даже если среди них не было экстрасенсов, сразу догадались, о чём я только что подумал. Это и я без труда прочитал на их озабоченных лицах, молча наблюдающих за мной, как будто, увидевших меня в первый раз, людей, успевших до моего прихода спрятать всю рыбу в тайге, при этом, забыв замести следы на месте совершенного ими «преступления».

Глядя на них, я вспомнил известную блатную песню Владимира Высоцкого, в которой были слова: «они стояли молча в ряд, их было восемь...»:

Владимир Высоцкий «Тот, кто раньше с нею был»

В тот вечер я не пил, не пел -
Я на неё всю глядел,
 Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
 Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, -
Он мне грубил, он мне грозил.
 А я все помню - я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,

Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, -
И как-то в осень, и как-то в осень -
Иду с дружкой, гляжу - стоят, -
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд -
Их было восемь.

Со мною - нож, решил я: что ж.
Меня так просто не возьмёшь, -
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда -
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, -
Он эту кашу заварил
Вполне серьёзно, вполне серьёзно.
Мне кто-то на плечи повис, -
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» -
Но было поздно.

За восемь бед - один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, -
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперёк.
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» -
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, её - прощаю.
Её, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, -
Не извиняю.

Её, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, -
Я повстречаю! (1962)

Правда, всё тогда было, не совсем, как в песне Высоцкого, и не к его «герою», шли восемь человек навстречу, а я сам шёл к стоявшим в ряд (с другой стороны стола между балками) дюжине мужиков, не считая тех, которые могли в это время следить за мной из-за деревьев.

И эти двенадцать перепуганных насмерть мужчин, которые перегородили «улицу» в тайге, не проронили ни одного слова, пока я не подошёл к столу с импровизированными стульями из распиленного на части ствола лиственницы и без приглашения не сел на ближайший чурбан.

Облокотившись на стол локтём, и подперев локтём подбородок, я, поочередно вглядываясь в их лица и думал до чего дошли люди, если стали бегать друг от друга в тайге, как от медведя или стаи волков.

Чувствуя, что молчание затянулось, я обратился к одному из геологов с улыбкой, хотя не знаю, насколько она у меня получилась доброй и располагающей к «душевному» разговору:

- Ну, что ребята, может, чаем хотя бы, угостите?

Моментально два человека скрылись в балках, и не успел я сообразить, как на столе появилась кружка, сахар, галеты, копчёная рыба, и следом за всем этим и чайник, с уже заваренным прямо в нём, чаем.

Размешивая в кружке сахар, я поинтересовался у них, с чего это они так перепугались, что бросились от меня бежать на реку и, не дождавшись ответа, продолжил:

- Представьте, что может быть, мне было плохо, сердце прихватило, дорога каждая минута, а вы из-за пары тухлых, запутавшихся в сети ельцов, по сути, могли бросить в беде человека. - Как мне вас понять?

Только после этих слов напряжение, возникшее между нами в первые минуты встречи, исчезло, и я узнал причину их такого неадекватного в таёжных условиях поведения.

Оказывается, несколько дней назад к ним нагрянул на вертолёт охотрыбнадзор. Вместе с инспекторами при «разговоре» с ними принял участие Геннадий Иннокентиевич Мирк, в угодах которого работали, а заодно, без его разрешения, охотились и рыбачили эти геологи.

Дело закончилось тем, что у геологов отобрали ружья и карабин и начальника геологического отряда (которому сказали, что для отпугивания медведей, ему хватит и одного пистолета) в последний раз предупредили, об уголовной ответственности за браконьерство.

А когда «гости» уже пошли на посадку к вертолёту, старший инспектор обернулся и спросил у начальника отряда:

- Да, кстати, тут наш турист, ещё не проплывал?

Ладно бы этот вопрос задал охотник Геннадий Мирк, а то должностное лицо, как будто обеспокоенное судьбой своего товарища.

Вот и поняли тогда превратно геологи, что я такой же «турист», как они «космонавты» и мне сразу стало понятно, отчего я был «удостоен» с их стороны такого «официального» приёма.

Конечно, мне было приятно, что через 15 лет, с начала моих путешествий в Восточной Сибири, меня, наконец, местные власти признали «своим», но как-то было грустно смотреть на этих людей, которые так быстро, за такое короткое время, перестали доверять друг другу.

И хуже того, стали бояться друг друга даже на тех реках, где нет ни одного населённого пункта, и где я во время трёх из восьми своих экспедиций, в тех местах, не встречал ни одного человека».

Прошло много лет. В маленьком провинциальном городке, не буду называть в каком, чтобы не позорить его жителей, я увидел в небольшом скверике, то ли стенд, ли памятный знак, с осыпавшейся с каменной кладки, в нескольких местах, отштукатуренной поверхностью.

Подойдя поближе, я с удивлением прочитал: «Памятник Владимиру Семёновичу Высоцкому». Сохранилась часть лица, рука на струнах того, что осталось от гитары, а сама сделанная рельефная надпись со словами стихотворения (песни) «Памятник», словно сползла к основанию постамента, так что первые два шестистрочника, рассыпались на отдельные буквы, а почти все остальные, немного сместились относительно друг друга, а два даже поменялись местами.

Приглядевшись, я увидел немного в стороне, отдельные слова и буквы пятого шестистрочника, а от последних трёх, вообще, ничего не осталось, так как они наверно давно уже были растоптаны в пыль ногами играющих в скверике детей.

Я с любопытством прочитал то, что осталось от стихотворения (песни) «Памятник», который себе сам, пусть в стихотворной форме, воздвиг Владимир Высоцкий:

....Я хвалился косою саженью:

Нате, смерть!

Я не знал, что подвергнусь суженью

После смерти.

Но в привычные рамки я всажен –

На спор вбили,

А косою неровную сажень

Распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,

Живо маску посмертную сняли

Расторопные члены семьи.

И не знаю, кто их надоумил –
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои....

...Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец,
Подходившие с меркой обычной –
Отступались, -
Но по снятию маски посмертной –
Тут же в ванной, -
Гробовщик подошёл ко мне с меркой
Деревянной.

А потом по прошествии года,
Как венец моего исправленья
Крепко сбитый литой монумент
При огромном скопленье народа,
Открывали под бодрое пенье,
Под моё, - с намагниченных лент...

...Я немел, в покрывало упрятан, -
Все там будем,
Я орал в то же время кастратом
В уши людям
Саван сдёрнули – как я обужен! –
Нате, смертьте! –
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!..

...Тишина надо мной раскололась –
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет,
Мой отчаяньем сорванный голос.
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет...

Прочитав то, что осталось от стихотворения, я на мгновение явственно представил, как «накренился» на памятнике в сквере Владимир Высоцкий, попробовал дотянуться до кого-то левой рукой и даже не «грохнулся», а медленно, начал сползать наземь.

Мне даже показалось, как будто, только что, «взвод выполнил приказ», а тот «который не стрелял», скомандовал, - Пли!